

XLII.

КИШИНЕВСКАЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

№№ 13 и 14.

Воскресенье, 29-го марта и 5-го апрѣля.

1909.

КИШИНЕВЪ.

Епархiальная типографiя.

Харалампiевская ул., д. № 42.

СОДЕРЖАНИЕ №№ 13 и 14.

Отдѣль официальный.

1. Высочайшая награда. — 2. Распоряженія Епархіальнаго Начальства. — 3. Епархіальныя извѣстія. — 4. Письмо Его Превосвященству Епископу Серафиму. — 5. Раворъ на имя Его Превосвященства, Превосвященнѣйшаго Серафима, Епископа Кишиневскаго и Хотинскаго. — 6. Отъ Комитета Кишиневской Епархіальной типографіи. — 7. Собщеніе Пятеротскаго Православнаго Надѣстнаго Общества. (Страницы 111—116).

Отдѣль неофициальный.

1. Христось Воскресъ. Христось Воскресъ, дорогіе соработники на шибъ Христовой. — 2. Слово Его Превосвященства Еп. Серафима. — 3. Не надо. — 4. Марія или Марфа. — 5. Основныя черты личности Н. В. Гоголя. — 6. Одинъ изъ насхальныхъ обычаевъ. — 7. Въ вопросу о христіанскомъ отношеніи къ женщинѣ. — 8. Исканіе Бога. — 9. Обычаи и нравы. — 10. Епархіальная хроника. — 11. Письмо въ редакцію Киш. Еп. Вѣд. — 12. Епархіальная хроника церковно-общественной жизни. — 13. Библиографическая замѣтка. (Страницы 551—608).

При этомъ № прилагается листокъ Христо-Рожд. Братства № 270.

**Цѣна годовому издакію 6 руб. съ пересылкою,
а за мѣсяць 50 коп.**

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

1-й разъ за страницу 3 р., $\frac{1}{2}$ стр. $1\frac{1}{2}$ р., $\frac{1}{4}$ стр. 75 к., 2-й и послѣдующіе разы за стр. 2 р., $\frac{1}{2}$ стр. 1 р., $\frac{1}{4}$ стр. 50 к. Въ полгода за страницу взимается 40 руб., за $\frac{1}{2}$ стр. 20 р., за $\frac{1}{4}$ стр. 10 р.; въ годъ за страницу 75 р., за $\frac{1}{2}$ стр. 37 р. 50 к., за $\frac{1}{4}$ стр. 18 р. 75 к.

ПОДПИСКА

принимается у о.о. благочинныхъ епархіи и въ Редакціи «Кишинев. Еп. Вѣдомостей», въ Кишиневѣ, Боюканская ул., № 23.

О.о. благочинные, при отсылкѣ въ Редакцію подписныхъ денегъ за цѣлый свой округъ, благоволятъ прилагать и адреса подписчиковъ.

За перемѣну адреса, послѣ подписки, взимается Редакціей дополнительная плата въ 25 коп.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полною (по крайней мѣрѣ, для свѣдѣнія Редакціи) подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи, рукописи подвергаются иногда сокращеніямъ и исправленіямъ. Статьи, присланныя безъ указанія о говорарѣ, считаются безплатными. Непринятые для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ, если будутъ присланы марки на пересылку; неустраиваемыя же, въ теченіе года, уничтожаются.

1909 годъ.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Марта 29
и Апрелья 5.

I.

Высочайшая награда.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Св. Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 20 день минувшаго февраля, на награжденіе псаломщика с. Трушень, Кишин. у., Захаріи Калестро, за свыше 30-лѣтнюю усердную службу его и пожертвованіе въ пользу означенной церкви, серебряною медалью, съ надписью «за усердіе», для ношенія на шеѣ на Владимирской лентѣ. (Церк. Вѣд. т. г. № 11).

II.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

ПЕРЕМѢЩЕНІЯ.

Перемѣщаются: священникъ церкви с. Шаганъ, Измаильскаго уѣзда, Алексѣй *Арвентіевъ* къ церкви посада Тузлы, Аккерманскаго уѣзда, согласно прошенію (23 марта), и священникъ церкви с. Кассовки, Оргѣвскаго уѣзда, Захарія *Арнаутовъ* къ церкви с. Шаганъ, Измаильскаго уѣзда, согласно прошенію (23 марта).

УТВЕРЖДАЕТСЯ ВЪ ДОЛЖНОСТИ.

Священникъ церкви села Авдармы, Бендерскаго уѣзда, Василій *Петровъ* утверждается въ должности законоучителя въ мѣстныхъ министерскомъ и земскомъ училищахъ.

III. ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

а) Священническія.

С. Нагоряны, Хотинскаго уѣзда, 315 д. м. п. и 33 дес. земли (съ 24 января).

С. Богичены, Кишиневскаго уѣзда, 457 д. м. п., 34 дес. земли и 300 руб. каз. жал., общ. домъ неудобный (съ 24 января).

С. Точены, Измаильск. у., 235 д. м. п., 16 фалечъ и 60 пражинъ земл. и 300 р. казеннаго жал. (27 ноября).

С. Месурети, Бѣлецкаго уѣзда, 265 д. м. п., 33 дес. земли и 300 руб. каз. жалованія (съ 11 января).

С. Леоно, (Параскевѣевская церковь), 4 окр. Измаильскаго у., 531 д. м. п., 15 дес. земли и 300 р. каз. жалованія (съ 4 марта).

С. Братулены, Кишиневскаго уѣзда, 245 д. м. п., 33 д. земли и 300 руб. каз. жалованія, домъ общественный (12 марта) и *с. Минчены*, Оргѣвскаго уѣзда, 202 д. м. п., 33 дес. земли и 300 руб. каз. жалованья, церковный домъ (13 марта).

С. Киссовка, Оргѣвскаго уѣзда, 662 д. м. п., 33 дес. земли и 300 руб. общественнаго жалованія, домъ церковный (съ 23 марта).

б) Діаконскія.

При Оргѣвскомъ, Сорокскомъ и Кагульскомъ соборахъ.

в) Псаломщическія.

Бѣлец. у.: с. Корпачъ и с. Теревна.

Изм. у.: при Св. Димитріевской церкви г. Измаила; при Царе-Констант. ц. г. Рени.

Кишинев. у.: с.с. Балчаны, с. Стольничены, при св. Троицкой церкви г. Кишинева и с. Мирены.

Сорок. у.: с. Боксанъ.

Оргѣв. у.: с. Корново.

IV.

**Письмо Его Преосвященству, Преосвященнѣйшему С е
р а ф и м у, Епископу Кишиневскому и Хотинскому.**

ВАШЕ ПРЕОСВЯЩЕНСТВО,

Милостивый Архипастырь.

Указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 22 сентября 1905 года, за № 9448-мъ, Кіевскому Епархіальному Училищному Совѣту разрѣшено съ 1906 года издавать въ г. Кіевѣ педагогическій журналъ «Западно-Русская Начальная Школа», по программѣ, выработанной на окружномъ съѣздѣ церковно-школьныхъ дѣятелей юго-западнаго края.

Съ Божіей помощью журналъ «Западно-Русская Начальная Школа» будетъ выходить (уже и выходить) въ настоящемъ 1909 году (4-й годъ изданія) и усиленно выполнять задачу служенія дѣлу народнаго образованія въ духѣ вѣры и Церкви Православной и во благо русскаго народа и государства вообще и въ частности въ западно-русскомъ краѣ, гдѣ это дѣло поставлено въ нѣсколько иныя условія сравнительно съ другими мѣстностями Россіи.

Съ цѣлью возможно шире и совершеннѣе выполнять принятую на себя задачу журналъ открываетъ свои страницы для всесторонняго, по возможности, выясненія школьной жизни и, въ частности, условій дѣятельности учительствующаго персонала въ начальныхъ школахъ. Журналъ «Западно-Русская Начальная Школа» прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы ознакомить своихъ читателей съ развитіемъ педагогическихъ идей и ихъ приложеніемъ въ жизни начальныхъ школъ какъ въ Россіи, такъ и за границей,—а также и съ данными опыта и знанія по дидактикѣ и методикѣ преподаваемыхъ въ начальной школѣ предметовъ. Особенно широкое мѣсто предоставлено въ журналѣ статьямъ живого, практическаго характера, непосредственно относящимся къ жизни школы, ея внутреннему и внѣшнему быту и просвѣтительной дѣятельности духовенства и народныхъ учителей.

Извѣщая объ изложенномъ выше и прилагая при семъ программу журнала *), имѣю честь просить Ваше Преосвященство не отказать въ просвѣщенномъ архипастырскомъ содѣйствіи Вашемъ къ распространенію означеннаго журнала въ средѣ школьныхъ дѣятелей ввѣренной Вамъ епархіи.

Испрашивая себѣ Вашихъ святыхъ молитвъ, имѣю честь быть Вашего Преосвященства,

Милостивѣйшаго Архипастыря,
покорнѣйшій слуга

Павелъ, Епископъ Чигиринскій.

На семъ послѣдовала резолюція Его Преосвященства, отъ 10 марта 1909 г., *Объявить въ Епарх. Вѣдомостяхъ.*

Серафимъ, Еп. Киш.

♦
V.

**Его Преосвященству, Преосвященнѣйшему Серафиму,
Епископу Кишиневскому и Хотинскому.**

Священника с. Кирсово, 3 ок.
Бендерскаго уѣзда, Анастасія Димитріу.

Р А П О Р Т Ъ.

Смиреннѣйше имѣю честь выслать Вашему Преосвященству прилагаемую при семъ проповѣдь подъ заглавіемъ: «Наставленіе къ заботѣ о присныхъ по вѣрѣ»

Священникъ *Анастасій Димитріу.*

На семъ рапортѣ послѣдовала резолюція Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Епископа Серафима за № 1493 отъ 15 март. 1909 г. Въ редакцію Епарх. Вѣдомостей. Надо образовать въ журналѣ отдѣлъ: проповѣдей и свѣдѣній по возрожденію приходовъ. Прилагаю первую проповѣдь. Желательно перевести на молдавскій языкъ.

Серафимъ, Еп. Кишиневскій.

Примѣчаніе. Согласно резолюціи Его Преосвященства съ № 15 Кишин. Еп. Вѣдомостей будетъ открытъ специальный *отдѣлъ по возрожденію приходской жизни* въ епархіи, гдѣ будутъ помѣщаться извѣстія, касающіяся этого вопроса, проповѣди, отчеты засѣданій совѣтовъ и проч.

Ред.

*) Программа журнала напечатана въ № 5 Кишин. Еп. Вѣд. т. г. на 3—4 стр. обложки.

VI.

Отъ Комитета Кишиневской Епархіальной типографіи.

Комитетъ Епархіальной типографіи симъ объявляетъ для свѣдѣнія духовенства и другихъ лицъ епархіи, что вышли изъ печати и имѣются въ продажѣ на *молдавскомъ* языкѣ слѣдующія книги:

1) ПСАЛТЫРЬ, цѣною въ кожаномъ переплетѣ 4 руб. и въ коленкоровомъ—3 руб. 75 коп. за экземпляръ.

2) КРАТКІЙ ЧАСОСЛОВЪ (въ объемѣ учебнаго Синодальнаго изданія), цѣною въ кожаномъ переплетѣ 1 руб. и въ коленкоровомъ—75 коп. за экземпляръ.

3) КРАТКІЙ МОЛИТВОСЛОВЪ для мірянъ, цѣною въ коленкоровомъ переплетѣ 25 коп. за экземпляръ.

4) ПОМИНАЛЬНИКЪ, цѣною въ бархатномъ переплетѣ 20 коп. и въ коленкоровомъ—15 коп. за экземпляръ.

5) СЛУЖБА И АКАѲИСТЪ ИВЕРСКОЙ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ, цѣною въ коленкоровомъ переплетѣ 50 коп. и въ бумажномъ 40 коп. за экземпляръ.

6) АКАѲИСТЪ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ—ВСѢХЪ СКОРБЯЩИХЪ РАДОСТИ, въ тѣхъ же переплетахъ и по той же цѣнѣ, какъ и предыдущая книга.

7) ЖИТІЕ И ЧУДЕСА СВ. ѲЕОДОСІЯ, ЧЕРНИГОВСКАГО ЧУДОТВОРЦА, цѣною въ коленкоровомъ переплетѣ 25 коп. и въ бумажномъ—20 коп. за экземпляръ.

8) ЖИТІЕ ПРЕП. СЕРАѲИМА, САРОВСКАГО ЧУДОТВОРЦА,—полное по Четы-Минеѣ, Синодальнаго изданія, цѣною въ обложкѣ 40 коп.

Цѣны на книги значатся съ пересылкою.

Печатаются и будутъ закончены печатаемъ въ текущемъ году—богослужебная книга «Требникъ», «АкаѲистъ Покрову Божьей Матери» и «Житія Святыхъ» за январь мѣсяць.

Въ семъ же году будетъ начато и закончено печатаніемъ вторымъ изданіемъ 50000 экземпляровъ Краткаго Молитвослова, согласно постановленію епархіальнаго съѣзда 1908 года.

VI.

О ПОДПИСКѢ въ 1909 году на

„СООБЩЕНІЯ

Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества“

въ четырехъ выпускахъ

(двадцатый годъ изданія).

Журналъ посвященъ вопросамъ востоковѣдѣнія. Цѣль изданія—служить духовному единенію между Православнымъ Востокомъ и Россіей путемъ научнаго изученія и объективнаго изслѣдованія прошлаго и настоящаго состоянія Востока. Въ 1909 г. примуть участіе въ журналѣ новые сотрудники, преимущественно профессора духовныхъ академій.

Годовая цѣна журнала 3 руб. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Конторѣ редакціи: *С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., 36.*

Редакторъ: Профессоръ С.-Петербургской духовной академіи

И. И. Соколовъ.

1909 годъ. ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ. Марта 29
и Апрелья 5.

Христось Воскресь,

Христось Воскресь,

дорогіе читатели, соработники на
низѣ Христовой.

Были страсти и скорби Господни и миновали: возсталъ Господь отъ мертвыхъ и показалъ намъ, что мы еще оживемъ. Воскресе Христось,—и ликуютъ ангелы. Воскресе Христось—и ниспадають духи злобы поднебесныя. Живые! живите духомъ радости. Омертвѣлые духомъ! прислушайтесь къ дыханію весенняго вѣтерка благодати Божіей; быть можетъ, она еще оживитъ васъ, и вы не погибнете. Вотъ облако гнѣва Божія коснулось Россіи, вѣра поколебалась, море житейское взволновалось и подняло грязь его со дна на поверхность... «Это облачко—оно пройдетъ», говорилъ св. Аванасій Александрійскій, когда Юліанъ Отступникъ воздвигъ гоненіе на церковь.

Пройдетъ и наше облачко гнѣва Божія, только возстаньте пастыри, берите скорѣе свои посохи, препояшите свои чресла, ибо Христось у дверей; Онъ ждетъ... Жатва многа!

Но что это за туманъ разстилается по землѣ? Отчего это ликъ Солнца Правды омрачается?

Это зеленый змій дохнулъ своимъ нечистымъ дыханіемъ. Пасха Христова,—чистая радость Божія на землѣ, Пасха красная, Христово востаніе—оскорблена бѣсомъ пьянымъ. Вотъ на землѣ валяются сраженные имъ; они не трупы, не мертвецы еще,

но уже уподобились имъ. Ихъ разумъ отуманенъ, сердце отяжелѣло, воля бездѣйствуетъ.

Святость праздника кто сохранить, если предастся зеленому змию?

Пастыри церкви, вы соль земли. Если соль испортится, чѣмъ осолиться? Исполните Законъ Христовъ, сберегите свое духовное стадо до единой овцы. И когда придетъ Господинъ вашъ во всей славѣ Своей, вы войдете въ радость Господина своего. Тому слава въ Церкви во вѣки вѣковъ. Аминь.

В. Курдюновскій.

С Л О В О

преосвященнѣйшаго Серафима въ 5 недѣлю великаго поста.

О ПРИЗЫВѢ БОЖІЕМЪ.

Древній Іерусалимъ приготовился къ великому христіанскому празднику Воздвиженія Честнаго Креста Господня. Съ ранняго утра извилистыя и узкія улицы наполнились паломниками, странниками, нищими и множествомъ народа. Вся эта толпа двигалась по направленію къ храму Воскресенія, постепенно увеличиваясь, нарастая и ширясь, по мѣрѣ приближенія къ великой церкви, чтобы присутствовать на торжествѣ Воздвиженія и приложиться къ животворящему кресту. Ясное небо и яркіе, жгучіе лучи солнца еще больше оживляли и разукрашивали эту картину пестрой толпы, представлявшей смѣшеніе всѣхъ народностей и возрастовъ, объединенныхъ молитвеннымъ настроеніемъ, чувствомъ благоговѣнія, сильной вѣрой въ Спасителя своего, добровольно распявшагося за человѣчество. Кругомъ храма виднѣлось цѣлое море головъ въ различныхъ уборахъ, и только присутствіе шалашей, шатровъ и палатокъ, бѣлѣвшихъ на площади, говорило, что здѣсь міръ насильственно внесъ съ собой житейскую суету и разладъ въ эти святяя, народныя чувства. Вблизи шатровъ двигалась веселая молодежь изъ мѣстныхъ жителей, имѣя впереди себя простую египтянку необыкновенной, поразительной красоты. Стройная, высокаго роста, съ шарфомъ на головѣ, съ чрезвычайно длинными волосами,

она привлекала къ себѣ вниманіе толпы. Хотя ея свободное обращеніе съ молодежью, рѣзкія движенія и смѣлыя рѣчи вызывали осужденіе паломниковъ и богомольцевъ, но всѣ невольно заглядывались на ея поразительно красивыя черты лица.

Когда насталь часъ духовнаго торжества, врата храма распахнулись настезь. Весь народъ устремился къ храму, и египтянка, покоряясь общему движенію, рѣшилась тоже, изъ любопытства, итти туда же. Замотавъ свой длинный шарфъ кругомъ шеи такъ, чтобы онъ закрылъ лицо наполовину, она вошла въ толпу. Отъ множества народа и страшной давки еле можно было дышать въ серединѣ толпы и послѣ многихъ усилій, съ большимъ трудомъ, приблизилась она къ вратамъ храмоваго притвора. Наблюдая отсюда за входящими, она увидѣла, какъ народъ и справа и слѣва проникалъ въ притворъ, чего ей не удавалось достигнуть. Даже стоявшіе съ нею рядомъ подвигались впередъ, но она оставалась все на томъ же мѣстѣ. Нѣсколько разъ она напрягала всѣ свои силы, чтобы приблизиться ко входу, но каждый разъ толпа отодвигалась напоромъ назадъ и увлекала ее съ собою. Приписывая это своему женскому безсилію, она попробовала присоединиться къ другой толпѣ и, дѣйствительно, достигла съ нею притвора, но тутъ повторилось то же самое. Изъ притвора шла лѣстница кверху на Голгоѳу и надо было поэтому добратъся до двери. Ея нога нѣсколько разъ касалась порога храма, но всегда какая то сила отстраняла ее. Египтянка смутилась. Три-четыре раза она пробовала продвинуться впередъ, но не имѣла успѣха. Наконецъ, обезсилѣвъ отъ давки, въ полномъ изнеможеніи, она отступила и стала въ углу притвора, прислонившись къ стѣнѣ. Здѣсь она очнулась и ясно поняла, что произошедшее не случайность, а какая то сверхъестественная сила не допустила ее приблизиться къ великой святынѣ. Отъ стыда въ ней заговорила совѣсть, и она сознала свое недостойнство, свою порочность, нечистоту, и въ одинъ мигъ вспомнилась ей вся ея грѣховная, прошлая и настоящая жизнь. Увлеченная своей ужасною страстію, она своевольно покинула родителей, предалась разврату и за 17 лѣтъ ни разу не вспомнила о Богѣ, о сеоей душѣ, о будущей жизни. Явилась она въ Іерусалимъ тоже не для поклоненія святымъ мѣстамъ, а прибыла изъ Александріи на кораблѣ съ паломниками, среди кото-

рыхъ было много молодыхъ людей. Ни видъ святого храма, ни земля, освященная стопами Христа, ни духовное настроеніе паломниковъ не остановили ея предъ дурными замыслами. Только въ эту минуту ея безуміе и безстыдство со всею ясностію раскрылись предъ нею. Потрясенная такимъ чудомъ и своимъ сознаниемъ, она заплакала, зарыдала, начала бить себя въ грудь и отъ ужаса сдѣлалась какъ иступленная. Всматриваясь невольно въ недоступный для нея путь на Голгоѳу, она увидѣла на вышинѣ нѣсколькихъ ступеней лѣстницы икону Богоматери, написанную на стѣнѣ. Ея открытый, ясный и строгій взоръ поразилъ грѣшницу, а добрая улыбка, сложившаяся въ углахъ рта.— дала ей надежду быть услышанной. Она бросилась къ иконѣ, такъ какъ народу было уже немного, упала предъ нею на колѣни и, ломая свои руки отъ ужаса и отчаянія, воскликнула: «Матерь Божія, Ты все знаешь и видишь! Я достойна быть отвергнутой и даже казненной! Я бросила родителей, я забыла Бога, я осквернила себя ужасною жизнію, но Христось, Сынъ Твой, приходилъ на землю спасти грѣшниковъ. Ты видишь, я уже наказана, оставлена всѣми честными людьми, опозорена, обманута и одинока! Спаси меня. Испроси мнѣ повелѣніе войти въ храмъ, чтобы узрѣть тотъ животворящій крестъ, на которомъ распялся и за меня Христось-Спаситель! Будь моей споручницей, не хочу я продолжать мою позорную жизнь, укажи мнѣ путь, чтобы спастись!

Подкрѣпленная долгою, искреннею и горячею молитвою, она встала. Вошедшій въ это время народъ, какъ по чьему то побужденію, не давая ей уйти назадъ, присоединилъ ее къ себѣ и привелъ на Голгоѳу. Отъ страха и волненія, она еле устояла на ногахъ, когда увидѣла водруженный Честный Крестъ Господень. Не обращая вниманія на тѣсноту и давку, она всѣмъ сердцемъ устремилась ко Христу, котораго мысленно представила себѣ распятымъ, съ пламенной мольбою о прощеніи и спасеніи! Точно по чьему то дуновенію, у ней сразу открылись духовныя очи, и она начала постигать тайны Божіи. Поняла она ясно, что Сынъ Божій свидѣтельствуетъ ей Своими крестными страданіями о томъ, что она не ошиблась, что Онъ взялъ съ Собою на крестъ всѣ ея грѣхи, что она уже искуплена и прощена, если только навсегда отречется отъ прежней жизни и сдѣлается Хри-

стovou. Исчезнувшій въ это время изъ ея сердца страхъ замѣнился не только надеждою на спасеніе, но и неизъяснимою радостію. Чувство беспредѣльной преданности и благодарности охватило все ея существо. Она не замѣтила, какъ время прошло на молитвѣ, и наступила ея очередь приложиться къ святому кресту. Съ трепетомъ упала она предъ нимъ и облобызала его. Но народъ, тѣснившійся въ очереди, не далъ ей опомниться и она быстро была опять увлечена въ толпу. Почувствовавъ сразу не только облегченіе, но и притокъ необычайной силы, эта грѣшница поспѣшила назадъ къ иконѣ Богоматери съ благодарственною молитвою за оказанную помощь.

Еще долго молилась она, стоя на колѣнахъ предъ этой чудотворной иконою Споручницы грѣшныхъ и со слезами просила указанія, какъ ей теперь исполнить данный обѣтъ. И вдругъ она услышала, какъ бы изъ далека, говорящей ей голосъ: «Если перейдешь чрезъ Іорданъ, то найдешь себѣ полное успокоеніе». «Владычица, не оставь меня!»—воскликнула она въ отвѣтъ. И повторяя эту мольбу, она покинула притворъ. Быстро пошла она по площади, закрывъ все лицо своимъ шарфомъ и, не зная, гдѣ, въ какой сторонѣ рѣка Іорданъ. Вдругъ кто то схватилъ ее за руку и, подавая три монеты, произнесъ: «возьми себѣ!» Она тотчасъ рѣшила купить себѣ на эти деньги три хлѣба и воспользоваться покупкой, чтобы распросить путь къ Іордану. Продавецъ указалъ ей городскія ворота, которыя должны были вывести ее на дорогу. Цѣлый день она шла, то плача, то радуясь, и къ закату солнца увидѣла, наконецъ, крестъ храма Іоанна Крестителя, стоявшаго на берегу рѣки. Помолясь въ церкви, она пошла умыться въ Іорданѣ и затѣмъ вернулась въ храмъ, чтобы причаститься св. Таинъ. Послѣ этого, утоливъ голодъ половиною одного хлѣба, она заснула, лежа на голой землѣ. Проснувшись рано утромъ, она отыскала небольшую лодку и переправилась на другой берегъ. Ея глазамъ открылась безконечная пустыня! Казалось, что въ ней не только нельзя встрѣтить человѣка, но здѣсь и звѣрю нечѣмъ питаться. Взойдя на возвышенное мѣсто, она сняла съ головы своей шарфъ, распустила роскошные волосы, которые ниспадали по спинѣ до самыхъ пятокъ и, преклонивъ колѣна, съ поднятыми къ небу руками, начала слезно молиться Богоматери. Долго по тихой водѣ неслись ея воздыханія и вопли: «Вла-

дычица, не оставь меня!» Затѣмъ она скрылась отъ человѣческихъ глазъ. Только по прошествіи 47 лѣтъ старецъ—инокъ Зосима однажды встрѣтилъ ее въ пустынѣ ночью, эту—изъ великихъ грѣшницъ—великую праведницу, преподобную Марію Египетскую и видѣлъ своими глазами, какъ она на молитвѣ подымалась на воздухъ, а потомъ черезъ годъ, какъ она перешла къ нему по Іордану, поверхъ воды, когда онъ ждалъ ее на томъ берегу со св. Дарами, для ея приобщенія.

Въ пятую недѣлю Великаго поста св. церковь прославляетъ преподобную и приводитъ намъ на память ея жизнь—въ назиданіе. Нынѣ есть еще больше людей, котсрые, пользуясь свободой—своеволью и безотчетно,—на подобіе несчастной Маріи, ни передъ чѣмъ не останавливаются и безстрашно бросаются на невѣдомыя имъ волны житейскаго моря, увлекаемые страстями и мечтами о привольѣ, усладѣ, беззаботности и славѣ. О, это предательское, житейское море! Оно обширно, величественно, глубоко, красиво, таинственно и невольно притягиваетъ къ себѣ человѣческія сердца. Почти никогда оно не бываетъ тихимъ, покойнымъ, лазурнымъ, а болѣе волнующимся и бурнымъ. Непрестанно вздымающіяся волны, какъ бы преслѣдуя другъ друга, борются между собою, шумятъ, переговариваются, спорятъ и пѣнятся какою то злобою и ненавистью. Стремясь разрушить все, что не сродственно ихъ стихіи, эти волны, приближаясь къ берегу, къ неподвижнымъ камнямъ и скаламъ, бросаются на нихъ съ какою то яростью и страстностью, но, разбиваясь о нихъ, какъ о неприступныя твердыни, какъ о несокрушимую вѣчность, убѣгаютъ въ глубину беззаконнаго моря, подражая своимъ шумомъ, кипѣніемъ и стономъ говору и недовольству несмѣтной человѣческой толпы. Люди, отдавшіеся волѣ этого бушующаго житейскаго моря, обезсиленные стихіей, невольно вовлекаются въ его страсти, вѣчную борьбу и злобу. Они перестаютъ даже мыслить о томъ, что противно ихъ пленѣнію, униженію и поглощенію чувственностью; усыпляются, незамѣтно для себя, движеніемъ и плескомъ волнъ и теряютъ сознаніе объ опасности, близости гибели и неизбѣжности суда Божія. Многіе спятъ духовно день и ночь, всю жизнь, отъ колыбели и до гроба! Не примѣчаютъ живущіе одною чувственностью, какъ эти волны, поднимая ихъ, ради славы и обмана, на свои вершины, затѣмъ опускаютъ ихъ все ниже и глубже,

готовыя поглотить, уничтожить, погубить и выбросить какъ не-
нужные, опостылые трупы, на каменистый, дикій берегъ.

Въ этомъ житейскомъ морѣ люди одиноки. И какъ трудно они
приходятъ къ сознанию, что есть только у нихъ одинъ, искренно
любящій, всепрощающій, неизмѣнный и всеильный Покровитель,
истинный Другъ и милосердный Спаситель, Христосъ! Не разу-
мѣютъ они истины, правды Божіей и, не будучи въ силахъ пре-
одолѣть своего духовнаго сна, какъ слѣпые, не видятъ Христа,
стоящаго къ нимъ—грѣшникамъ ближе, чѣмъ къ праведникамъ.
Христосъ—Спаситель, не насилуя воли человѣческой, но дѣйствуя
привлекающей божественной благодатью, будитъ сонныхъ, спя-
щихъ духовно, призываетъ ихъ къ возстанію, возрожденію по-
каяніемъ, вразумленію и именно тогда, когда люди начинаютъ
уже гибнуть въ волнахъ житейскаго моря. Благодать, какъ ды-
ханіе безпредѣльной любви, своимъ живительнымъ тепломъ
согрѣваетъ заходившее сердце человѣческое; она не оставя-
етъ даже самаго послѣдняго изъ грѣшниковъ. Нѣтъ человѣка,
духовно рожденнаго таинствами церкви, котораго бы благодать
Божія не призывала видимо, ощутительно къ сознанию своей
грѣховности и близости къ гибели, но, если даже эти чудесные
призывы Божіи, сверхъестественныя дѣйствія Духа благодати,
безпредѣльная любовь Христова остаются безсильными и без-
плодными для оживленія помертвѣвшаго естества человѣческаго,
то что сказать о такихъ людяхъ, гибнущихъ въ своемъ непре-
станномъ разсѣяніи и ожесточеніи. Если примѣръ Маріи Еги-
петской можетъ инымъ казаться исключительнымъ потому, что
она въ одинъ часъ пришла въ полное сознание и перешла изъ
одного міра—въ другой, изъ міра мечтаній—въ міръ дѣйстви-
тельности, то мало ли найдется между нами, живущими на
землѣ теперь людьми, свидѣтелей тайныхъ и явныхъ призывовъ
Божіихъ къ покаянію и вразумленію?! Чтобы повѣдать міру о
явныхъ проявленіяхъ благодати Божіей, потребовалось бы напи-
сать тысячи книгъ, съ изложеніемъ не только исторій такихъ
людей, какъ св. апостоловъ, христіанскихъ мучениковъ, стол-
повъ церкви, святителей и преподобныхъ, или Фараона, Иліи,
Давида, Саула, блаженнаго Августина, Константина Великаго,
жизни которыхъ опять бы признали исключительными, но—спа-
сенныхъ сновидѣніями, всевозможными бѣдами и опасностями,

удивительнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, однимъ словомъ, сказаннымъ во время, чтеніемъ Священнаго Писанія и въ особенности Евангелія, тяжкою болѣзнію, обморокомъ или замираніемъ, мыслію о любимой благочестивой матери, таинственнымъ пробужденіемъ во время богослуженія, слышанной въ церкви проповѣдью, взглядомъ на чудотворную икону, присутствіемъ при смерти близкаго или необыкновеннаго человѣка, искренней дружбой, благодатной бесѣдой и проч. Всѣ люди, уразумѣвшіе призывъ Божій и пробудившіеся отъ духовнаго сна, подобно дивной Маріи, мгновенно переходятъ изъ міра мечтаній въ міръ дѣйствительности и не надо далеко искать ихъ, ибо каждый изъ насъ, глубоко вѣрующій теперь и преданный церкви и правдѣ Божіей, можетъ повѣдать сомнѣвающемуся въ призывахъ Божіихъ свою поучительную исторію.

«Горе тѣмъ, сказалъ Христось, которые не уразумѣютъ время посѣщенія своего!» Не желаютъ они, по жестокосердію, уразумѣвать призывъ Господень ни изъ Евангелія, ни изъ собственного размышляющаго ума, ни изъ совѣсти, откуда бы то ни было; призывъ къ дѣлу Божію, къ дѣлу вѣры и добродѣтели, къ молитвѣ, къ укрощенію плоти, къ отверженію суеты. И голосъ этотъ, глубоко проникающій въ ихъ сердце и говорящій, что Христось невидимо мимо идетъ и взираетъ на нихъ, они насмѣшливо принимаютъ за собственную мечту! Горе великое, потому что подобный призывъ Божій можетъ больше не повториться! Какъ горько заплакалъ Христось, говоря Іерусалиму: «О если бы ты хотя въ сей день твой узрѣлъ, что служить къ миру твоему, но это сокрыто нынѣ отъ глазъ твоихъ!» (Лук. 19, 42). Аминь.

Не надо.

«Отвѣчала совѣсть:—отыщи ты мнѣ маленькое русское дитя, раствори ты передо мной его сердце чистое и сохрани меня въ немъ». Салтыковъ, «Пропала совѣсть».

У Сергѣева—Ценскаго есть разсказъ «Небо». Двухлѣтній малышъ Леня протестуетъ противъ всякаго насилія, происходитъ ли оно на сценѣ (въ циркѣ), въ сказкахъ, которыя ему разска-

зываетъ дядя Черный, или въ дѣйствительной жизни, въ шутку или серьезно. Его дѣтская, инстинктивно правдивая душа не выносить насилія, въ какой бы формѣ оно ни выражалось. «Не надо», настойчиво, дѣтски упрямо, твердитъ онъ всякій разъ, когда наталкивается на насиліе. «Почему не надо»? спрашиваетъ его дядя Черный. «Такъ», отвѣчаетъ увѣренно Ляня.

Вотъ и вся его дѣтская, несложная аргументація протеста противъ насилія.

Но эти дѣтскія—«не надо» и «такъ», этотъ протестъ противъ насилія чистой непорочной дѣтской души производитъ большее впечатлѣніе, чѣмъ иные философскіе и этическіе трактаты, уснащенные безчисленными доказательствами и несокрушимой логической силы аргументами.

Мнѣ невольно вспомнился разсказъ Сергѣева-Ценскаго въ этотъ великій Христіанскій праздникъ всепрощенія и братскаго единенія.

За послѣдніе годы душа измучилась, устала отъ вихря полученныхъ впечатлѣній, отъ рѣкъ крови, пролитой за это время: сначала Японская война, разгаръ революціи, а потомъ систематическія, изо дня въ день повторяющіяся казни, убійства, всевозможныя насилія надъ человѣческой личностью.

Періодическая печать ежедневно приноситъ намъ извѣстія объ этихъ убійствахъ, насиліяхъ и, какъ слѣдствіи ихъ,—казняхъ. Сначала все наше существо возмущалось, вздрагивало отъ инстинктивнаго отвращенія къ этимъ кровавымъ и безкровнымъ насиліямъ; потомъ душа устала возмущаться и застыла въ какомъ то безразличіи.

И вотъ въ этотъ великій день «праздниковъ праздникъ и торжество торжествъ», когда «смерти празднуемъ умерщвленіе, иного житія вѣчнаго начало и, играюще, поемъ виновнаго», изъ таинственныхъ нѣдръ души поднимается вновь властный протестъ противъ кровавыхъ эксцессовъ современной жизни. Вспоминается пролитая и сейчасъ еще проливаемая кровь братьевъ. Встаютъ въ памяти событія, вспоминавшіяся церковью въ страстную седмицу. Еще звучать въ ушахъ церковныя чтенія

и пѣснопѣнія этой чедѣли: «Людіе мои, что сотворихъ вамъ и что ми воздасте»? Стоитъ предъ глазами скорбный ликъ Божественнаго Страдальца, облитый кровью. Слышатся крики жестоковѣйнаго народа, предававшаго Его крестной казни, напоившаго Его желчью: а вотъ и призванные на мѣсто этого жестоковѣйнаго народа «языки», которые должны были Его «прославить» и которые дѣйствительно сейчасъ Его славятъ, въ своихъ храмахъ, въ своихъ привѣтствіяхъ другъ къ другу. Но и къ этимъ, славящимъ Его, Божественный Страдалецъ могъ бы обратиться съ тѣмъ же укоризненнымъ вопросомъ: «Людіе мои, что сотворихъ вамъ, и что ми воздасте», и на недоумѣніе этихъ послѣднихъ могъ бы прибавить, «такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали мнѣ».

Вотъ почему теперь, когда въ десяткахъ тысячъ христіанскихъ храмовъ несется торжественная пѣснь о побѣдѣ надъ смертью, когда въ каждомъ изъ этихъ храмовъ пастырь церкви Христовой торжественно съ кафедры церковной заявляетъ своей паствѣ словами св. Іоанна Златоуста: «внидите *все* въ радость Господа своего... Воскресе Христосъ, и *жизнь жительствоуетъ*», а за стѣнами этихъ храмовъ льется кровь «меньшихъ братьевъ» Христовыхъ, когда тамъ за этими стѣнами не «жизнь жительствоуетъ», а смерть и насиліе царятъ,—хочется закричать на всю изстрадавшуюся родину, на весь міръ христіанскій: —«не надо»!

Не надо больше крови и насилія, не надо! Опомнитесь, люди—братья. Довольно крови! Кровью насыщена земля наша: кровью насыщенъ воздухъ, и эта кровь братьевъ нашихъ вопіетъ отъ земли къ небу. Правда, въ этомъ потокѣ пролитой крови не одна кровь современнаго Авеля, а очень много крови и Каиновъ нашихъ дней; но вѣдь и кровь Каина, по слову Господню, «отмститса всемеро».

Хочется вѣрить въ эту священную ночь, что, если нашему поколѣнію, отравленному атмосферой крови и насилія, и не удастся устроить свою личную, общественную и государственную жизнь такъ, чтобы крови не требовалось, чтобы вмѣсто наси-

лія и крови водворилась любовь, то грядущему поколѣнію это удастся. Хочется вѣрить, что эта «святозарная ночь» дѣйствительно явится «провозвѣстницей свѣтоноснаго дня». Хочется вѣрить, что вспыхнетъ заря этого дня, что «тьма идетъ къ концу, и наши дѣти ужъ увидятъ свѣтъ лицомъ къ лицу». Хочется вѣрить великой вѣрою русскаго сатирика, что «растетъ маленькое русское дитя, а вмѣстѣ съ нимъ растетъ въ немъ и совѣсть. И будетъ маленькое дитя большимъ человѣкомъ, и будетъ въ немъ большая совѣсть. И исчезнуть тогда всѣ неправды, коварства и насилія, потому что совѣсть будетъ неробкая и захочетъ распорядиться всѣмъ сама».

И эта вѣра въ свѣтлое будущее обязываетъ всѣхъ насъ пастырей всячески способствовать наступленію этого будущаго; въ каждомъ изъ своихъ призывовъ къ жизни по завѣтамъ евангелія должны мы подчеркивать рѣзкое несоотвѣтствіе современной жизни требованіямъ исповѣдуемаго нами Христова ученія, вопіять объ этомъ. «Надо, говорю словами Чехова, чтобы за дверью каждаго счастливаго человѣка стоялъ кто нибудь съ молоточкомъ и постоянно напоминалъ бы стукѣмъ, что есть несчастные», и этимъ «кто нибудь» долженъ быть прежде всего пастырь. Особенно сильно стучать онъ долженъ въ подобные нынѣшнему великіе христіанскіе дни.

Священникъ *Н. Стойковъ*.

«Марія или Марѳа» *).

Когда у насъ заводятъ рѣчь о пастырскихъ собраніяхъ и прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы двинуть, наконецъ, этотъ

*) Авторъ затронулъ очень больной нервъ нашей жизни и, если не далъ никакого положительнаго его рѣшенія, то несомнѣнно возбудитъ попытку такъ или иначе разрѣшить практически туго поддающійся вопросъ пастырской жизни.

Чтобы не обременять матушекъ вынужденнымъ гостепріимствомъ можно бы было избирать для пастырскихъ собраній, такъ сказать, интернаціональный пунктъ, какую-н. благоустроенную школу, и для продовольствія собравшихся отцовъ устраивать складчину. Во всякомъ случаѣ, какъ ни щекотливъ возбужденный вопросъ, но автору мы остаемся благодарными за откровенное сообщеніе одного изъ главныхъ практическихъ тормазовъ идейнаго дѣла.

Ред.

«возь», когда глубокомысленно зрять въ самый корень этого дѣла и стараются создать условія для пастырскихъ собраній благоприятныя, то инициаторы всего этого продолжаютъ пресмѣшно висѣть въ воздухѣ, ибо прозѣвываютъ и забываютъ одинъ, съ перваго взгляда пустячный, а на самомъ дѣлѣ очень важный и серьезный, факторъ нашей жизни, я хочу сказать, что забываютъ о... матушкѣ.

Да, да... забываютъ именно о матушкахъ.

Что матушка существо далеко не безгласное—это всякій знаетъ. А что она, если не представляетъ всей совокупности нашей воли, то володѣетъ достодожной львиной половиной ея—это тоже многіе изъ насъ знаютъ. Не даромъ вѣдь она—матушка и называется «половиной». Таковъ ужъ законъ жизни.

Правда, что этому закону споспѣшествуетъ и наша собственная т. ск. тряпичность, но не въ этомъ сейчасъ дѣло. Есть пока на лицо фактъ и съ нимъ нужно считаться.

Чтобы не показалось кому либо вышереченное фельетонной эквилибристикой и чтобы показать возможно нагляднѣе, какое отношеніе къ пастырскимъ собраніямъ имѣютъ матушки, я готовъ выступить во всеоружіи самыхъ несокрушимыхъ фактовъ, а потому и предоставляю слово самой жизни.

Возьмемъ совершенно произвольное лицо изъ нашей среды и назовемъ его о. Н. Наши наблюденія покажутъ, что о. Н послѣ долгихъ колебаній переломилъ, наконецъ, себя и возымѣлъ свирѣпое желаніе поѣхать на пастырское собраніе. Конечно, онъ о такомъ своемъ рѣшеніи оповѣщаетъ свою «половину». Матушка настораживается и принимаетъ воинственную позу.

— Нѣтъ, этому не бывать! У тебя, во первыхъ, двѣ школы и приходъ. Если мы поѣдемъ оба, то на кого же оставимъ домъ? Если ты гоѣдешь, то какъ же дома я останусь одна?

О. Н понимаетъ, что не въ этомъ дѣло, и терпѣливо ждетъ, когда, наконецъ, источникъ краснорѣчія начнетъ изсякать.

— И вѣдь пастырскія собранія совсѣмъ не обязательны. Другое дѣло сѣзды, тутъ ужъ нельзя отвертѣться... А если ужъ нужна формальность, то извѣсти рапортомъ о болѣзни.

— Но вѣдь пастырскія собранія отъ начальства,—пробуетъ неудачно о Н.

— Какіе вы, мужчины, непонятливые! Вѣдь, если поѣдешь на пастырское собраніе, то это обстоятельство обязываетъ тебя съ своей стороны собрать у себя ораву цѣлую. Другое дѣло именины, приглашаемъ и расходуемся, безъ этого нельзя... а тутъ?!... съ какой такой стати?!... Расходъ—во первыхъ, и не малый, какъ ты самъ говоришь, а во—вторыхъ, хлопоты и не малыя, а на придачу неудовольствіе и сплетни. У меня и закуски не такія, и сладкаго не было, и супъ безъ пирожковъ, а зато у меня не то, что у ней (видимо у матушки, у которой тоже было пастырское собраніе и которая насплетничала на нашу героиню), кучера у меня голодными не стоятъ. Если борщъ былъ слишкомъ кислый, то виновата не я, а «Гашица», а если жаркого не хватило, то виноватъ былъ ты, что мало мяса взялъ. А она то сама печенія какія къ чаю подавала, совѣстно было смотрѣть, а поди же, суется еще осуждать. А той мебель наша не понравилась; а я не модница какая нибудь, за то у меня мыши въ сметанѣ не тонуть, знаемъ мы...

— Молчи, баба, чушь мелешь. Ишь, разобрало тебя. А ты стань-ка выше...

— Я и такъ высоко стою. На всѣхъ не угодишь, пусть меня только не тревожатъ, какъ я никого не тревожу. Не до нихъ. У меня хозяйство, у тебя приходъ. Далъ бы Богъ и такъ справиться, а все прочее, такъ это отъ лукаваго.

— Я ей говорю, что отъ высшаго Начальства, а она мнѣ—отъ лукаваго.

И понялъ о. Н со всей очевидностью, что «собака то зарыта» въ томъ самомъ обѣдѣ, что предлагается на пастырскихъ собраніяхъ и въ... язычкахъ матушекъ.

Оказывается къ тому же, что въ день пастырскаго собранія въ близъ лежащемъ мѣстечкѣ базаръ, и матушка съ утра велѣла запречь лошадей и умчалась на базаръ.

О. Н вернулся изъ школы, побывалъ на малой требѣ и, покорившись обстоятельствамъ, улегся на диванъ.

Онъ даже по собственному рецепту попытался стать выше всего и потому философски разсуждалъ: «пуля, напимѣръ, штука очень незначительная, а, поди-ка,—міровой рычагъ, то же и печатная строчка, то же и матушка»,—продолжалъ онъ, усмѣхнувшись своему сопоставленію.

Черезъ мгновеніе ему снился блаженный и райскій сонъ, что у всѣхъ существующихъ и впредь имѣющихъ существовать матушекъ на языкѣ «типунъ»:

Бываютъ, пожалуй, и другіе исходы совѣщаній. Допускаю, что о. Н можетъ «переговорить» матушку, можетъ случиться даже такъ, что они вкупѣ поѣдутъ, но, вѣдь, это только лицевая сторона той самой медали, которая, какъ извѣстно, имѣетъ и свою обратную сторону. Поверхностный критикъ сей моей замѣтки можетъ подумать, что я толкаю собратьевъ на опасный путь игнорированія личности матушки. Но это такъ только кажется. Всю пагубность такого рода политики трудно себѣ даже представить. И таковую я безусловно отвергаю.

Мнѣ этой замѣткой хотѣлось сказать совсѣмъ другое. Мнѣ собственно хочется отвѣтить на вопросы и совершенно серьезно: что такое изъ себя представляетъ сельская матушка, какое ей можно дать имя?

И безусловно она не Евангельская Марія, но она, какъ мы видѣли, и не Марѳа. Такъ кто же она?

Очень было бы пріятно, если бы матушки по прочтеніи сей замѣтки, обидчивыя, (хотя я меньше всего хотѣлъ кого-нибудь обидѣть), какъ и всѣ женщины, опровергли меня не словами, а самымъ дѣломъ, а «соловья баснями, къ слову сказать, все—таки не кормятъ».

Свящ. П. А.—въ.

Н. В. Гоголь

— и —

ЕГО ТВОРЧЕСТВО.

(Продолженіе *).

ГЛАВА II-АЯ.

Основные черты личности Н. В. Гоголя.

Ознакомившись съ главными фактами жизни Н. В. Гоголя, постараемся теперь уяснить себѣ основные черты его личности.

Вообще говоря, о личности Гоголя нужно судить съ большою осторожностью: онъ принадлежитъ къ числу самыхъ скрытныхъ натуръ. Самъ—воплощенная наблюдательность, онъ не любитъ открывать своей внутренней жизни для чужого наблюденія: даже для друзей онъ былъ загадкой. Не всякому его слову о самомъ себѣ можно было вѣрить. Въ письмахъ къ знакомымъ онъ представлялъ себя не таковымъ, какимъ былъ въ дѣйствительности, нарочно скрывая подлинную свою личность отъ чужого глаза. Но въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ онъ является въ своемъ подлинномъ видѣ: талантъ владѣть имъ и заставляетъ его выражать истинную жизнь его духа. Въ произведеніяхъ разбѣяно много біографическаго матеріала. Кое-что изъ этого матеріала мы припомнимъ, обрисовывая личность Гоголя. При этомъ оговариваемся, что мы вовсе не имѣемъ въ виду давать подробную характеристику личности Гоголя, а только остановимъ свое вниманіе на основныхъ чертахъ ея.

Прежде всего отмѣтимъ своеобразный складъ ума Гоголя, который намъ ясно обрисовывается при разсмотрѣніи характера отношенія Гоголя къ западной культурѣ, образованности. Въ то время, когда Гоголь жилъ за границей, на западъ шла оживленная общественная и политическая дѣятельность. Казалось бы, что эта жизнь должна была увлечь такого гениальнаго человѣка, какъ Гоголь, отличающагося тонкимъ и наблюдательнымъ умомъ; однако, мы видимъ совершенно противное: общественная и политическая жизнь его совершенно не интересуетъ, не интересуетъ его также и богатое умственное наслѣдіе запада. Должно сказать, что Гоголь былъ человѣкъ не высокообразованный и совсѣмъ не начитанный. Однако, живя за границей, онъ не интересовался западно-европейской

*) См. «Кишин. Еп. Вѣд.» № 12 за т. г.

литературой, философией, наукой. Ни раньше, ни теперь, живя за границей, он не увлекался ни немецкой литературой с ее знаменитостями—Гете, Шиллеромъ, Гейне, ни французской—съ Гюго, Ламартиномъ, Жоржъ-Зандъ, Бальзакомъ, ни английской съ «властителемъ думъ» Европы-Байрономъ; романтизмъ европейской литературы, философія Фихте, Шеллинга, Гоголя, изысканія въ области чисто научной мысли не возбуждали его ума, не интересовали его. Только для искусства сдѣлалъ онъ исключеніе: живописью, скульптурой онъ живо интересовался. Посѣщая различные западно-европейскіе города, онъ всегда останавливался свое вниманіе на произведеніяхъ искусства. Римъ, какъ городъ искусствъ, онъ особенно любилъ. Отмѣченная черта отношенія къ западному культурному богатству составляетъ замѣчательное явленіе и характеризуетъ Гоголя, какъ исключительнаго человѣка. Въ каждый человѣкъ возбуждаетъ свой умъ путемъ общенія съ другимъ умомъ. Гениальный умъ также нуждается во внѣшнихъ возбудителяхъ и отъ общенія съ твореніями гениевъ онъ только шире развивается и получаетъ импульсъ къ гениальнымъ созданіямъ. Западно-европейскія сокровища ума представляютъ прекрасную школу, гдѣ можетъ развиваться всякій умъ. Въ этой школѣ постоянно учился Пушкинъ. Онъ былъ знатокомъ западной литературы, особенно французской и английской, любилъ читать, любилъ учиться, «чтобы стать съ вѣкомъ наравнѣ». Гоголь представляетъ ему противоположность: онъ плохо знакомъ съ умственнымъ наслѣдіемъ запада и не имѣетъ къ нему тяготѣнія. Конечно, и у него были возбудители мысли, но этими возбудителями были не западные колоссы мысли, а лица, съ которыми онъ велъ знакомство и дружбу. Сюда надо отнести гуманнаго, съ мягкой душой Жуковского, С. Т. Аксакова и Шевырева, который былъ ему полезенъ своей эрудиціей, Языкова, лирическаго поэта, цѣлый рядъ другихъ лицъ, а особенно Пушкина. Пушкинъ побуждалъ его учиться, помогалъ ему совѣтами, поощрялъ его къ труду, старался пробудить его творческую мысль и вообще слѣдилъ за его развитіемъ. Вотъ почему такъ поразила Гоголя смерть Пушкина. Въ порывѣ подъема чувства Гоголь въ письмѣ къ Шлетневу изъ Рима отъ 16 марта 1837 г. такъ выразился о томъ, чѣмъ былъ для него Пушкинъ: «Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы

я не воображалъ его предъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепеть невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу... Боже! нынѣшній трудъ мой ¹⁾, внушенный имъ, его созданіе... Я не въ силахъ продолжать его». Если въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ мы и усматриваемъ преувеличеніе, то, во всякомъ случаѣ, тутъ вѣрно представлена та мысль, что Пушкинъ имѣлъ для Гоголя весьма важное значеніе въ качествѣ возбудителя его творческой жизни. Не забудемъ при этомъ, что сюжетами «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» Гоголь обязанъ Пушкину. Итакъ, Гоголь также не обходился безъ возбудителей мысли, только онъ ограничивался тѣснымъ кругомъ лицъ и не имѣлъ жажды къ общенію съ громаднымъ кругомъ западно-европейскихъ геніальныхъ умовъ. Своеобразность ума Гоголя состоитъ въ отсутствіи жажды перенимать у другихъ, въ сосредоточенности на своихъ силахъ.

Гоголь—чистѣйшій типъ романтика. Всѣхъ людей можно подѣлить на двѣ группы—романтиковъ, или идеалистовъ, и реалистовъ. Романтики живутъ идеаломъ, созданнымъ отвлеченно, вслѣдствіе задатковъ въ натурѣ и впечатлѣній дѣтства и юности: съ этимъ идеаломъ подступаютъ къ жизни и требуютъ ему подчиненія, и борются съ жизнью во имя идеала. Реалисты, наоборотъ, приспособляются къ жизни, дѣйствуютъ въ согласіи съ ея требованіями. Реалисты умѣютъ устроиться въ этой жизни хорошо, романтикамъ же живется обыкновенно худо, они не умѣютъ устраивать своего благополучія. О романтикахъ реалисты могутъ такъ выразиться, какъ сказалъ Квеведо о Камоэнсъ («Камоэнсъ», драматическая поэма Жуковскаго): «онъ (Камоэнсъ) въ домѣ сумасшедшихъ, позабытъ людьми, и все имущество его—покрытый ржавчиною мечъ да лютна безъ струнъ. Зачѣмъ онъ жилъ? И что онъ нажилъ? Донъ-Людвигъ Камоэнсъ—десятый номеръ, и все тугъ! такъ записано въ реестрѣ». Романтики не создаются искусственно, они рождаются. Они могутъ быть самыхъ различныхъ взглядовъ и убѣжденій,—они могутъ быть и оптимисты и пессимисты, могутъ быть и свободныхъ религіозныхъ убѣжденій, и приверженцами опредѣленной религіи, могутъ быть и консерваторы по политическимъ убѣжденіямъ, и революціонеры: словомъ, романти-

¹⁾ Разумѣются «Мертвыя души».

ками люди называются не за определенные взгляды и понятия. Сущность романтизма заключается въ определенномъ отношеніи къ міру дѣйствительности и идеала. Романтики, какъ бы ни различны были ихъ взгляды, все сходятся въ томъ, что они живутъ идеаломъ, мечтой и отрицательно относятся къ наличной дѣйствительности. Романтикъ недоволенъ жизнью. Это недовольство, конечно, можетъ происходить отъ нестойкости этой жизни; но онъ ни на какой дѣйствительности остановиться не можетъ въ силу своей натуры, въ силу того, что его душа «томится желаніемъ чуднымъ полна», и его мечта является всегда къ услугамъ съ картиной лучшей жизни, чѣмъ та, которая подъ рукой. Ему свойственно уходить отъ этой дѣйствительности въ міръ мечты, въ міръ фантазій. Въ этомъ стремленіи къ отрѣшенію отъ дѣйствительности и заключается сущность романтизма, какъ психическаго состоянія человека. Идеаль романтика можетъ быть возвышенный, благородный, а можетъ быть и болѣе или менѣе низменный, въ зависимости отъ того, какое человекъ получилъ развитіе, воспитаніе и образованіе. Но какого бы качества идеаль ни былъ, романтикъ никогда не идетъ съ нимъ въ согласіи съ уровнемъ требованій современной дѣйствительности. Съ нимъ романтикъ отстаетъ или опережаетъ наличную дѣйствительность, отстаетъ, когда смотритъ назадъ, ищетъ идеала въ прошломъ, идеализируя его, превращая дѣйствительность въ сказку; романтикъ любитъ фантастическое, любитъ въ немъ расплываться своей мечтой и отдыхать тамъ душой. Онъ опережаетъ жизнь, когда живетъ предвкушеніемъ будущаго, когда мысль его витаетъ въ сферѣ утопическихъ представленій. Но онъ не можетъ попасть въ тонъ настоящаго момента; не отличается способностью трезво относиться къ наличной дѣйствительности, къ факту; не способенъ къ медленной работѣ надъ исправленіемъ недостатковъ жизни, и задача жизни ему представляется всегда легко разрешимой, ибо онъ слишкомъ довѣрчиво относится къ своему идеалу. Неудачи, а онѣ неизбежны, слишкомъ тягостно отзываются на душевномъ состояніи романтиковъ, они страдаютъ, а часто и гибнутъ; проза жизни, съ которой они призваны бороться, давитъ ихъ и не даетъ имъ чувствовать себя въ этомъ мірѣ счастливо и безмятежно. Для жизни романтики необходимы, велика ихъ общественная роль; ихъ высокое назначеніе — по крайней мѣрѣ лучшихъ изъ нихъ — «глаголомъ жечь сердца людей»,

будить къ лучшей, совершенной жизни. Романтикъ Васко въ поэмѣ Жуковского «Камозъ» говорить: «не счастья, не славы здѣсь ищу я; быть хочу крыломъ могучимъ, подъемлющимъ родныя мнѣ сердца на высоту,—зарей, побѣду дня предвозвѣщающей, великихъ думъ воспламенителемъ, глаголомъ правды, лѣкарствомъ душъ, безвѣриемъ крушимыхъ, и сторожемъ нетлѣнной той завѣсы, которою предъ нами горній міръ задернуть, чтобы порой для смертныхъ глазъ ее приподнимать и святость жизни являть во всей ея красѣ небесной».—Словомъ, увлекать міръ въ царство идеала—вотъ общественная роль романтиковъ; безъ нихъ міръ сдѣлался бы достояніемъ пошлости, но міръ, предоставленный имъ исключительно, превратился бы въ фантазмагорію.

Сказанное о романтической натурѣ вообще вполне приложимо къ Гоголю. Онъ романтикъ чистѣйшей воды. Онъ мечтаетъ, живетъ идеаломъ и глубоко чувствуетъ свой разладъ съ дѣйствительностью, для которой у него нѣтъ примирительнаго слова, она давитъ его своей прозаичностью и вызываетъ чувство глубокой тоски. Какъ романтикъ, онъ не умѣетъ трезво оцѣнить несовершенство жизни и вести медленную, но упорную борьбу, онъ хотѣлъ бы сразу подчинить дѣйствительность своему высокому идеалу, пропитать міръ дѣйствительности мечтой своей фантазіи. Онъ любитъ жигъ въ царствѣ мечты, любитъ сказочный міръ фантазіи, вотъ почему дѣйствительность онъ любитъ украшать элементомъ фантастическаго и погружаться въ легендарные сказочные образы. Но Гоголь не просто мечтатель, забывающійся въ сферѣ заоблачнаго, онъ хотѣлъ бы это заоблачное видѣть здѣсь, на землѣ, и считать себя призваннымъ бороться за наступленіе своего идеала на землѣ. Идеалистомъ романтикомъ Гоголь является предъ нами уже въ отроческихъ лѣтахъ, о чемъ ясно свидѣлствуютъ раннія письма къ разнымъ лицамъ и школьное произведеніе «Ганцъ Кюхельгартенъ». Въ одномъ письмѣ къ Высоцкому, окончившему лицей годомъ раньше Гоголя и уѣхавшему на службу въ Петербургъ, Гоголь такъ пишетъ: «Какъ тяжело быть зарыту вмѣстѣ съ созданными неизвѣстности въ безмолвіе мертвое! Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе челоѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться. Изъ нихъ не исклю-

чаются и наши дорогие наставники. Только между товарищами, и то немногими, нахожу... иногда, кому-бы сказать что-нибудь».

Мечтая о Петербургѣ, куда всей душой стремился Гоголь, онъ пишетъ одно интересное письмо Высоцкому, изъ котораго видно, что Гоголь не желаетъ довольствоваться обыкновеннымъ жребіемъ челоѣка, — его страшитъ «низкая невѣднѣность», онъ боится, чтобы судьба не зашвырнула его въ толпу самодовольной черни и не отвела ему «черную квартиру невѣднѣности въ мірѣ».

Этимъ настроеніемъ проникнуто и юношеское произведеніе Гоголя, написанное въ послѣдній годъ пребыванія Гоголя въ лицѣѣ, — «Ганцъ Кюхельгартенъ». Это произведеніе, по мнѣнію лучшихъ изслѣдователей жизни и произведеній Гоголя Тихонова и Шенрока, автобіографическаго характера, въ немъ подъ образомъ Ганца Гоголь вывелъ самого себя. Ганцъ не желаетъ довольствоваться долей въ мирной домашней обстановкѣ и стремится на путь болѣе блестящій въ жизни, на путь счастья и славы. Таковъ былъ и Гоголь въ послѣднюю пору пребыванія въ лицѣѣ.

Весьма замѣчательнымъ представляется то, о чемъ мечтаетъ Гоголь. Онъ мечтаетъ не о собственномъ благополучіи, а о «службѣ государству», «пользѣ для отечества». «Во снѣ и на яву мнѣ грезится Петербургъ, съ нимъ вмѣстѣ и служба государству», пишетъ Гоголь своей матери. «Всѣ силы будутъ порываться на то, чтобы означить се (жизнь) однимъ благодѣяніями, одною пользою отечеству», такъ выражается Гоголь въ другомъ письмѣ къ матери. Но особенно замѣчательнымъ для характеристики Гоголя — отрока представляется письмо Гоголя къ дядѣ Петру Петровичу Касяровскому. «Да, можетъ быть, мнѣ цѣлый вѣкъ достанется отжить въ Петербургѣ, но крайней мѣрѣ такую цѣль начертилъ я уже издавна. Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія, я пламенѣлъ неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я кинѣлъ принести хотя малѣйшую пользу. Тревожныя мысли, что я не буду мочь, что мнѣ преградятъ дорогу, что не дадутъ возможности принести ему малѣйшую пользу, бросали меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ при мысли, что, можетъ быть, мнѣ придется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ; быть въ мірѣ и не означить своего существованія — это было

для меня ужасно. Я перебиралъ въ умѣ всѣ состоянія, всѣ должности въ государствѣ и остановился на одномъ—на юстиціи. Я видѣлъ, что здѣсь работы будетъ болѣе всего, что здѣсь только я могу быть благодарнымъ, здѣсь только буду истинно-полезенъ для человѣчества. Неправосудіе, величайшее въ свѣтѣ несчастіе, болѣе всего разрывало мое сердце, я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утратить, не сдѣлавъ блага. Два года я занимался постоянно изученіемъ правъ другихъ народовъ и естественныхъ, какъ основныхъ для всѣхъ законовъ; теперь занимаюсь отечественными. Исполнятся-ли мои начертанія? или неизвѣстность зареетъ ихъ въ мрачной тьмѣ своей. Въ эти года, эти долговременныя думы свои я затаилъ въ себѣ. Недовѣрчивый ни къ кому, скрытый, я никому не повѣрялъ своихъ тайныхъ помысленій, не дѣлалъ ничего, чтобы могло выявить глубины души моей. Да и кому-бы я повѣрилъ и для чего-бы высказалъ себя? Не для того-ли, чтобы смѣялись надъ моимъ сумасбродствомъ, чтобы считали пылкимъ мечтателемъ, пустымъ человѣкомъ? Никому и даже изъ своихъ товарищей я не открывался, хотя между ними было много истинно-достойныхъ. Я не знаю, почему я проговорился теперь передъ вами, оттого-ли, что вы, можетъ-быть, принимали во мнѣ болѣе другихъ участіе изъ-за связи близкаго родства, этого не скажу; что-то непонятное двигало перомъ моимъ, какая-то невидимая сила натолкнула меня, предчувствіе вошло въ грудь мою, что вы не почитаете ничтожнымъ мечтателемъ того, который около трехъ лѣтъ неуклонно держится одной цѣли и котораго намѣшки болѣе заставляютъ укрѣпить въ предположенномъ начертаніи. Если же вы и не поучаствуете во мнѣ, по крайней мѣрѣ, вы затаите мое письмо такъ же, какъ я затаилъ въ себѣ одною свои упрямые предначертанія». Въ этомъ письмѣ, замѣчательно искреннемъ,—ибо Гоголю не было никакой надобности ставить себя въ эффектную позу передъ дядей, отъ котораго онъ ничего не ждалъ, съ удивительною полнотою нравственнаго облика предсталъ передъ нимъ Гоголь. Онъ чистѣйшій идеалистъ. Онъ страшится одного безцѣльнаго, пустого существованія; его душу наполняетъ благороднѣйшая идея о служеніи обществу, о пользѣ государству. Не о личномъ благополучіи онъ мечтаетъ, о счастіи другихъ, о благѣ его отечества. Замѣчательно опредѣленно, ясно звучитъ въ его мечтахъ гражданскій мотивъ дѣятельности. И если мы

принемъ во вниманіе, что Гоголь всю свою жизнь стремился осуществить свои идеальные порывы, что вся его жизнь была однимъ благороднѣйшимъ порывомъ въ сферу идеальнаго, что онъ всегда горѣлъ самыми благородными стремленіями, которымъ никогда не измѣнялъ, то Гоголь-отрокъ представится намъ замѣчательнымъ и рѣдкимъ человѣкомъ. Онъ тѣмъ болѣе удивляетъ насъ своими мечтаніями, что обстановка его жизни была весьма неблагопріятна для такихъ мечтаній. Лицей поражае Гоголя бѣдностью духовныхъ интересовъ. Среди наставниковъ, по отзыву Гоголя, мало было такихъ, которые способны были будить духъ учащихся; товарищи погрязали въ лѣни, ихъ Гоголь окрестилъ именемъ «существователей»; только немногіе изъ нихъ были съ такою искрою, какая горѣла въ душѣ Гоголя; имъ Гоголь иногда повѣрялъ свои мечты; изъ нихъ извѣстны Высоцкій, Прокоповичъ, Данилевскій. Общая-же масса товарищества была такова, что передъ нею Гоголь не рисковалъ раскрывать свою душу, чтобы не прослыть «мечтателемъ», «пустымъ человѣкомъ» и чтобы не вызвать на свой счетъ насмѣшекъ. Не могла возбуждать идеальныхъ стремленій и та среда, въ какой онъ жилъ дома, на родинѣ. Его родственники и знакомые тоже были въ своемъ родѣ «существователи»; они благодарный матеріалъ для созданія пошлыхъ лицъ—Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, Анаасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны и др. Въ этой средѣ Гоголь не могъ найти ничего идеальнаго, тутъ было господство личнаго самодовольнаго существованія. Такія выраженія, какъ «польза государству», «служеніе отечеству» въ этой средѣ были выраженіями новыми и совершенно непонятными. Гоголь обязанъ своими благородными стремленіями инстинктамъ собственной натуры, чисто романтической. Романтикомъ онъ является и во всей послѣдующей его жизни. Объ этомъ ясно свидѣтельствуютъ какъ его переписка, такъ и литературныя произведенія. Укажемъ на нѣкоторые факты въ его произведеніяхъ. Весьма замѣтную черту въ сочиненіяхъ Гоголя составляетъ ихъ фантастическій элементъ. Онъ присущъ большинству его сочиненій и притомъ не только юношеской поры, но и болѣе зрѣлой. Онъ такъ слитъ съ міромъ реальнымъ, такъ, можно сказать, проницатѣль имъ, что положительно не замѣчаешь, какимъ образомъ Гоголь увлекъ васъ и перенесъ въ міръ фантастическихъ образовъ. Чѣмъ объясняется эта особенность сочиненій Гоголя? Отчего Го-

голь, глава реалистической школы въ русской литературѣ, такъ любить фантастическое? такъ увлекается преданіемъ старины? такъ любить отрѣшаться отъ дѣйствительнаго міра и погружаться въ толпу страшныхъ фантастическихъ привидѣній? Это не есть простое увлеченіе господствовавшей тогда романтической школой; Гоголь, мало читавшій вообще, а въ особенности по западной литературѣ, не воспитанъ въ себѣ вкуса къ романтической фантастикѣ. Притомъ-же его сильный талантъ питавшійся впечатлѣніями дѣйствительнаго міра, не могъ бы механически подчиниться чужому вліянію и усвоить приемы творчества, противорѣчившіе его сущности. Тутъ можно допустить только одно, что натура Гоголя была такова, что способна была отрывать мысль отъ дѣйствительности и уносить ее въ область причудливаго, часто грандіознаго, страшнаго фантастическаго вымысла. Короче, онъ былъ мечтатель; въ немъ были свойства тѣхъ натуръ, которыхъ обыкновенно называютъ романтическими. Что Гоголь любитъ мечту, что онъ могъ отрываться отъ дѣйствительности и уноситься на крыльяхъ фантазіи въ царство грезъ, въ этомъ также убѣждаетъ насъ неоконченная повѣсть «Римъ», которая, по отзыву лицъ, близко знавшихъ Гоголя, заключаетъ въ себѣ много біографическаго, говоритъ о томъ, какъ жилъ въ Римѣ Гоголь, и какія впечатлѣнія тамъ на него дѣйствовали. Тѣ мысли и чувства и вообще жизнь въ Римѣ, которыя приписываются князю, вполне могутъ быть приложимы къ Гоголю въ пору пребыванія его въ Римѣ. Князь представляется человѣкомъ глубоко-чувствовавшимъ красоты природы, наслаждающимся произведеніями искусства и отдающимся навѣянному на него впечатлѣніямъ до самозабвенія, уносящимся отъ настоящаго въ область прекраснаго прошлаго. Анненковъ рассказываетъ о Гоголѣ, что онъ, живя въ Римѣ, до самозабвенія отдается художественнымъ впечатлѣніямъ, унивается красотами природы и искусства, по полусуткамъ лежитъ на одномъ мѣстѣ, въ чащѣ или въ другомъ мѣстѣ, устремивши свой неподвижный взглядъ на разстилающуюся передъ нимъ картину природы, и, можетъ быть, своею мечтою онъ далеко уносился отъ дѣйствительныхъ предметовъ, какъ любилъ уноситься въ область мечты и изображенный въ «Римѣ» князь. Словомъ, если довѣряться біографамъ, утверждающимъ, что на образѣ князя лежитъ печать личности самого поэта, то неоконченное произведеніе Гоголя «Римъ» скажетъ намъ, что Гоголь по натурѣ мечтатель.

Къ особенностямъ личности Гоголя надо отнести и то, что онъ былъ склоненъ къ грусти. Съ именемъ Гоголя у каждаго изъ насъ соединяется представленіе о немъ, какъ веселомъ рассказчикѣ, возбуждающемъ неудержимый смѣхъ. Если въ позднѣйшихъ разсказахъ смѣхъ растворяется печалью, то въ раннихъ произведеніяхъ онъ—чистый, свѣтлый, не наводящій и тѣни грусти. Читая эти сочиненія, можно подумать, что авторъ ихъ—счастливѣйшій человѣкъ, вполнѣ здоровая натура, которой вовсе не сродни ничто мрачное, тяжелое, достаемое на долю болѣзненныхъ натуръ. Однако, онъ не столь жизнерадостный, бодрый, какъ могъ показаться по первому впечатлѣнію отъ его юношескихъ произведеній. Гоголь—романтикъ-пессимистъ. Эта черта прорывается во многихъ его произведеніяхъ и, что особенно замѣчательно, даже въ самыхъ раннихъ. Повѣсть «Сорочинская ярмарка», насмѣшивши читателя образами выведенныхъ лицъ и исторіею съ «красной свиткой», заканчивается слѣдующими грустными словами: громъ, хохоть, пѣсни слышались тише и тише. Смычекъ умиралъ, слабѣя и теряя неясные звуки въ пустотѣ воздуха. Еще слышалось гдѣ то топанье, что-то похожее на ропоть отдаленнаго моря, и скоро все стало пусто и глухо. Не такъ ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхо онъ слышетъ уже грусть и пустыню, и дико внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые другі бурной и вольной юности, поодиночкѣ, одинъ за другимъ, теряются по свѣту и оставляютъ, наконецъ, одного стариннаго брата ихъ? Скучно оставленному! И тяжело, и грустно становится сердцу, и нечѣмъ помочь ему!» Что означаетъ этотъ минорный конецъ повѣсти? Отчего сердце писателя посетилъ грусть, неожиданно вторгшись въ веселую обстановку и въ веселый разсказъ? Надо думать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ личной чертой Гоголя—его наклоностью къ грусти. Глубокоправдивый въ своихъ произведеніяхъ, онъ поддался таланту, влекущему его къ жизненной правдѣ, и сказалъ то, что лежало въ глубинѣ его души.

Любопытно также заканчиваетъ Гоголь свою «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Изложивши послѣднія обстоятельства, къ какимъ привела ссора двухъ номѣщиковъ—Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, этихъ украшеній

Миргорода, Гоголь рисуетъ картинку сырой осени и заканчиваетъ такими словами: «скучно на этомъ свѣтѣ, господа!» Какъ понимать это восклицаніе? Выраженіе-ли это гражданской скорби или что другое? Конечно, грустный финалъ повѣсти могъ быть вызванъ грустной картиной жизни; но если мы это выраженіе грусти возьмемъ въ связи съ другими такими-же выраженіями, разбѣянными въ другихъ сочиненіяхъ, то въ данныхъ словахъ можемъ видѣть нѣчто большее—личную черту Гоголя, его грусть, отзвукъ пессимистической окраски его міровоззрѣнія.

Разсказывая о встрѣчѣ въ дорогѣ Чичикова съ губернаторской дочкой, частіе о томъ, что эта блондинка неожиданнымъ образомъ появилась и быстро умчалась въ своемъ экипажѣ, Гоголь дѣлаетъ признаніе, что такъ и въ нашей жизни быстро пролетаетъ блистающая радость. «А между тѣмъ дамы уѣхали, хорошенькая головка съ тоненькими чертами и тоненькимъ станомъ скрылась, какъ что-то похожее на видѣнье, и опять осталась дорога, брачка, тройка знакомыхъ читателю лошадей, Селифанъ, Чичиковъ, гладь и пустага окрестныхъ полей. Вездѣ, гдѣ-бы ни было, въ жизни, среди-ли черствыхъ, шереховато-блѣдныхъ и неопрятно-плѣснѣющихъ рядовъ ея низменныхъ или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословіи вышнихъ, —вездѣ, хоть разъ встрѣтится на пути чловѣку явленіе, непохожее на все то, что случалось ему видѣть дотошѣ, которое хоть разъ пробудитъ въ немъ чувство, непохожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь. Вездѣ, поперекъ какимъ-бы ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блестящая радость, какъ иногда блестящій экипажъ въ золотой упряжи, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколь, вдругъ, неожиданно, пронесется мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки, не выдавшей ничего, кромѣ сельской телѣги: и долго мужики стоятъ, зѣвая съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хотя давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ. Такъ и блондинка тоже вдругъ совершенно неожиданнымъ образомъ показала въ нашей повѣсти и также скрылась». Грустный лиризмъ, проскользнувшій въ приведенныхъ словахъ Гоголя, звучитъ и въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій. О чемъ же онъ свидѣтельствуетъ? Объ основномъ свойствѣ души Гоголя—его наклонности къ грусти, его пессимистической основѣ міровоззрѣнія.

Съ такимъ объясненіемъ подмѣченной особенности сочиненій Го-голя вполне согласуется признаніе Гоголя о самомъ себѣ въ «Авторской исповѣди»—сочиненіи, заслуживающемъ полнаго нашего довѣрія. Здѣсь Гоголь пишетъ: «причина той веселости, которую замѣтили въ первыхъ сочиненіяхъ моихъ, оказавшихся въ печати, заключалась въ нѣкоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать самого себя, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать». Такимъ образомъ, Гоголь смѣшнить и кажется въ нашихъ глазахъ веселымъ человѣкомъ, на самомъ дѣлѣ ему далеко не весело: посредствомъ смѣшного онъ старается освободиться отъ давящей его тоски, его пессимистическаго настроенія. Неудивительно, если и общій тонъ его произведеній наводитъ на насъ чувство тоски, ибо самъ авторъ созерцалъ міръ сквозь призму пессимистическаго настроенія. Гоголь—противоположность Жуковскому. Последній былъ грустенъ въ своей поэзіи, но веселый и благодушный въ обществѣ; первый, наоборотъ, старался казаться въ своихъ произведеніяхъ веселымъ, на самомъ-же дѣлѣ онъ былъ натурой пессимистически настроенной.

Наконецъ, всегдашней чертой личности Н. В. Гоголя служила его религіозность. Она отличала его еще въ дѣтствѣ. Извѣстенъ случай, возбудившій въ Гоголѣ религіозное чувство,—это рассказъ матери о загробной жизни праведниковъ и грѣшниковъ. Въ письмѣ къ матери, отъ 22-го октября 1833 г., Гоголь, вспоминая свое дѣтство, дѣлаетъ такое признаніе: «одинъ разъ—я живо, какъ теперь помню этотъ случай—я просилъ рассказать мнѣ о страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно рассказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительнѣ, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшниковъ, что это потрясло и разбудило во мнѣ всю чувствительность; это заронило и произвело впоследствии во мнѣ самыя великія мысли». Это признаніе Гоголя свидѣтельствуетъ о религіозномъ настроеніи Гоголя еще въ дѣтствѣ. Религіознымъ онъ былъ и въ годы своего обученія. Въ письмахъ къ матери изъ лицая, а затѣмъ изъ Петербурга и изъ-за границы, онъ часто говорить о высшихъ вѣдѣніяхъ, объ особомъ попеченіи Промысла о

немъ. Съ 1840 г. особенно рѣзко обнаружилось религіозное чувство Гоголя, какъ въ письмахъ, такъ и въ произведеніяхъ—«Выбранныхъ мѣстахъ переписки съ друзьями» и затѣмъ въ «Авторской исповѣди». Увлечшись религіозной идеей, Гоголь всецѣло отдается дѣлу душевнаго спасенія. Съ выходомъ въ свѣтъ «Выбранныхъ мѣстъ» и затѣмъ «Авторской исповѣди», много посыпалось упрековъ на главу Гоголя; заговорили о его ханжествѣ, «переломѣ», погубившемъ литературный талантъ Гоголя. Съ изданіемъ біографическихъ матеріаловъ обнаружилось, что Гоголь былъ не ханжа, а искренно-религіозный человѣкъ, что перелома не было, а было постоянное, неуклонное шествіе по одному и тому же пути, обусловленное дѣйствіемъ однихъ и тѣхъ же основныхъ началъ, отличающихъ Гоголя. Романтизмъ его принялъ религіозно-нравственную окраску. И замѣчательно, что Гоголь, такая романтическая натура, былъ надѣленъ даромъ реального представленія жизни. Онъ—реалистъ, который ничего не выдумываетъ, не пишетъ, не имѣя фактовъ; онъ отличается необычайнымъ даромъ наблюдательности и внимательно присматривается къ жизни, изучаетъ ее во всѣхъ мелочахъ; онъ старается пользоваться наблюденіями и званіями другихъ лицъ, обращается къ матери, чтобы она снабдила его нужными ему для литературныхъ работъ свѣдѣніями. Слова Пушкина по адресу Гоголя: «этотъ хохоль меня обираетъ»—даютъ намъ понять, какъ Гоголь былъ внимателенъ къ тому, что дѣлалось вокругъ него. Специальнымъ предметомъ его наблюденій является пошлость, мелочность жизни, прозаичность существованія, т. е. то, что такъ не гармонируетъ съ романтическими порывами. И трудно указать другую натуру, въ которой были-бы соединены столь противоположные элементы—романтическое настроеніе и даръ реального изображенія жизни. Такое соединеніе должно было служить источникомъ раздвоенія, разлада и страданія нашего поэта. Это раздвоеніе должно было окончиться побѣдой одного изъ двухъ элементовъ: или талантъ ослабитъ романтическіе порывы или романтическое настроеніе заставитъ служить себѣ талантъ, и тогда Гоголь откажется отъ своей роли—роли бытописателя будничной жизни, изобразителя ея пошлости. Судьба судила это послѣднее. Онъ отказался отъ роли обличителя мелочной жизни, эту роль онъ находитъ для себя слишкомъ незначительной, онъ хотѣлъ-бы дать такіе образы, которые подсказываются

ему его романтическими порывами, онъ хотѣлъ бы ввести насъ въ міръ образовъ просвѣтленныхъ, но его реальный талантъ не давалъ ему для такихъ образовъ красокъ; онъ мучился надъ созданіемъ ихъ, но кисть ему не повиновалась и изъ подъ его руки выходили образы блѣдные—безжизненные; поэтъ это понималъ и глубоко страдалъ; отъ роли обличителя жизни онъ отказался, слѣдов., отказался отъ своего таланта, а къ роли романтическаго писателя онъ не былъ способенъ. Положеніе было трагическое, и основа этой трагедіи заключается въ противорѣчій таланта романтическимъ стремленіямъ души писателя.

Въ заключеніе приведемъ слова Венгерова, дающія намъ сжатую характеристику Гоголя *). «Гоголь—самая аскетическая натура всей русской литературы. Этому человѣку лично для себя почти ничего не нужно было. Онъ обыкновенно ѣлъ ровно столько, сколько нужно было для того, чтобы минимально поддержать свое истинно-бренное тѣло, онъ почти не пилъ, почти не бывалъ въ гостяхъ въ обычныхъ цѣляхъ развлеченія, не игралъ въ карты, никогда не ухаживалъ за женщинами и, повидимому, не звалъ въ своей жизни ни одной сердечной привязанности. Онъ никогда не мечталъ устроить «домикъ», никогда не имѣлъ осядлости, вѣчно странствовалъ. Словомъ, по психологическому рисунку своему это былъ настоящій монахъ, угрюмый, серьезный, всегда отданный думамъ высшаго порядка. Но аскетизмъ Гоголя никогда не бѣгалъ отъ людей. Онъ былъ не изъ тѣхъ монаховъ, которые уходятъ въ пустыню, чтобы спасти только свою душу, и отрясаютъ отъ себя пылъ міра сего. Гоголь всегда и самъ работалъ для міра и другихъ къ этому звалъ. Всѣ обскурантскіе совѣты «Переписки» представителямъ разныхъ общественныхъ положеній,—губернаторамъ, помѣщикамъ и т. д. именно основаны на томъ, чтобы всякаго человѣка заставить работать для ближняго, чтобы во всякой сферѣ привести его въ связь съ интересами другихъ людей. Другой вопросъ, въ чемъ видѣлъ авторъ «Переписки» работу для ближняго, но теперь рѣчь идетъ только о направленіи, въ которомъ билась его мысль въ поискахъ лучшаго общественнаго будущаго».

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Венгеровъ — «Писатель-гражданинъ».

Одинъ изъ пасхальныхъ обычаевъ.

Существуетъ въ православной церкви обычай въ день Свѣтлаго Праздника Христова Воскресенья, въ розговѣны, ѣсть яства, освященныя церковнымъ пастыремъ по установленному нарочито на этотъ случай чину. Въ числѣ этихъ яствъ обычно находятся и выкрашенныя въ красный цвѣтъ яйца. Обычай освящать въ числѣ пасхальныхъ яствъ и яйца—древнѣй, давно принятый уставомъ православной церкви. Такъ, въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ церковнаго устава, въ пергаментномъ спискѣ X вѣка, хранящемся въ монастырѣ св. Анастасіи близъ Солуни, находится слѣдующая приписка, свидѣтельствующая объ освященіи въ день Пасхи между прочими яствами яицъ: «читается также молитва на благословеніе яицъ и сыра»... Эта молитва и нынѣ читается въ православной церкви въ день св. Пасхи при освященіи сыра и красныхъ яицъ. Что въ приведенной выдержкѣ рѣчь идетъ о красныхъ яйцахъ, можно догадываться на основаніи того факта, что въ одномъ рукописномъ Номоканонѣ Фотія порицается возможный поступокъ монаха,—нежеланіе его разговѣться въ день Пасхи сыромъ и *красными яйцами*. Такого монаха, который воздерживается и не ѣсть въ день св. Пасхи сыра и красныхъ яицъ, нужно подвергать наказанію, такъ какъ онъ противится апостольскимъ правиламъ, говорится въ указанномъ Номоканонѣ Фотія.

Затѣмъ, по обычаю, принятому въ православной церкви, въ день св. Пасхи родные и знакомые *дарятъ* другъ друга красными яйцами. Несомнѣнная древность этого обыкновенія въ православной церкви доказывается тѣмъ, что даже тѣ церковныя общества, которыя отдѣлились отъ единой православной церкви въ отдаленнѣйшія отъ насъ времена, хранятъ указанный обычай. Онъ сохраняется у маронитовъ, яковитовъ, въ христіанскихъ обществахъ Сиріи, въ церкви армянской, въ Грузіи и у славянскихъ народовъ Балканскаго полуострова. Въ приведенной уже нами выдержкѣ изъ рукописнаго устава X в. монастыря св. Анастасіи, послѣ указанныхъ нами словъ, говорится: «игумень, цѣ-

луя братій, раздаетъ имъ яйца и говоритъ: «Христось воскрес!» Такъ мы приняли отъ св. отцевъ, которые сохранили сіе обыкновеніе отъ самыхъ апостольскихъ временъ»:

Въ настоящее время указанное обыкновеніе дарить красными яйцами при христосованіи въ церквахъ держится весьма крѣпко во многихъ приходскихъ сельск. церквахъ; разница только въ томъ, что не настоятель храма раздаетъ пастѣ красныя яйца при цѣлованіи съ нею, а прихожане дарятъ пастыря.

Попытокъ объяснить оба указанныхъ пасхальныхъ обыкновенія—разговляться красными яйцами и дарить ими другъ друга—было много, но остановимся на вѣроятнѣйшихъ.

Несомнѣнно, что эти обычаи чисто христіанскіе, какъ и самый праздникъ Пасхи, и объяснять ихъ заимствованіемъ изъ языческаго обихода значить давать мало удовлетворительное объясненіе. Правда, несомнѣнно, что у древнихъ римлянъ было въ обычаѣ начинать свои праздничныя трапезы яденіемъ печенаго яйца; правда и то, что въ праздникъ Вакха римляне съ торжествомъ освящали яйца. Правда и то, что у грековъ также яйцамъ придавалось особое значеніе, и что у нихъ были особыя яичныя игры,—праздникъ въ честь Кастора и Поллукса, близнецовъ, явившихся на свѣтъ изъ яйца Леды и дѣлившихъ между собою безсмертіе.

Но всѣ эти обычаи могутъ свидѣтельствовать только о томъ, что въ классическомъ мірѣ, въ обиходѣ римлянъ и грековъ, яйца имѣли свое особое символическое значеніе; но почему, въ силу ли этого значенія яицъ, они стали употребляться во время празднованія чисто христіанскаго праздника св. Пасхи, или же для этого было особое побужденіе въ православной церкви,—этого нельзя рѣшить ссылкой на обычаи древнихъ грековъ и римлянъ.

Правда, яйцо самый удобный и понятный символъ жизни и безсмертія, а потому преимущественное употребленіе яицъ въ день Свѣтлаго Воскресенья весьма подходяще, но почему они употребляются крашенными въ красный цвѣтъ? почему, далѣе, ихъ принято дарить въ этотъ день другъ другу?

Отвѣтъ на первый вопросъ мы найдемъ, если обратимъ вниманіе на то, что въ св. Писаніи называется словомъ «красная Израилева» въ словахъ Самуила къ Саулу, когда первый привѣтствовалъ имѣвшаго быть посвященнымъ въ цари еврейскіе Саула (20 ст. 9 гл., 1 кн. ц.): «и кому (возвѣщу) красная Израилева?»

Самуиль возвѣщаетъ Саулу о величайшемъ радостнѣйшемъ для него событіи, избраніи его въ цари Израилю, и обозначаетъ это событіе словами «красная Израилева». Радость всего Израиля, утѣха его, давно желанный ими царь, словомъ, «красная Израилева» — царь Саулъ.

Итакъ, красный цвѣтъ у евреевъ—символь веселія, радости, потому то въ торжественныхъ случаяхъ царскою одеждою была багряница *).

Съ такимъ же значеніемъ красный цвѣтъ остался и въ христіанскомъ обществѣ, возникшемъ на почвѣ еврейской. Такъ, мы видимъ, что въ церковной пѣсни, въ пасхальной стихирѣ на стиховнѣ праздникъ Пасхи, какъ радостнѣйшій изъ всѣхъ христіанскихъ праздниковъ, называется «Пасхой Красною».

Естественно, поэтому, что символизация древней церкви избрала красный цвѣтъ и для пасхальныхъ яицъ, которыми христіане поздравляютъ другъ друга.

Нѣсколько новое освѣщеніе можно дать обычаю пасхальныхъ яицъ красить въ пурпурный цвѣтъ, если обратить вниманіе на книгу Альфреда Эдершейма, магистра Оксфордскаго университета: «Жизнь и время Иисуса Мессіи» (перев. свящ. Михаиломъ Өивейскимъ въ 1900 г., въ 2-хъ том.). Въ 5-й главѣ 1-го тома говоря о томъ, какого Мессію евреи ожидали, авторъ даетъ цитаты изъ талмуда (стр. 225), изъ которыхъ видно, что слова псалма XX, 4 ст. отнесены къ Мессіи, что Богъ «возложилъ на голову Его вѣнецъ» и облекъ его честію и величіемъ, авторъ говоритъ далѣе: «прибавимъ и еще цитату, взятую, можетъ быть, изъ самага духовнаго изъ іудейскихъ комментаріевъ, напоминаю-

*) Потому же и Спасителя одѣли въ багряницу, т. е. царскую одежду, издѣвались и говорили: Радуйся, Царь Іудейскій (Мф. 27 гл. 28–29 ст.)

щую намъ о богопочтительномъ удивленіи, которымъ однажды привѣтствовали Іисуса въ Назаретѣ. Мѣсто это первоначально относится къ семи одеждамъ, которыя Богъ послѣдовательно надѣвалъ на себя. Первая одежда—это «слава и величіе» при твореніи; вторая—«величіе» 2 при Черномъ морѣ; третья—«могущество», когда Богъ давалъ Законъ; четвертая—«бѣлая», когда заглаживалъ грѣхи Израиля; пятая одежда—«мщенія», когда Богъ отмщаль за грѣхи его враговъ; шестая—«праведности», когда Мессія будетъ явленъ, и *седьмая*—«красная», когда онъ отмститъ Едому (Риму)».

Итакъ, *красная одежда*—символъ побѣды; красное яйцо, значитъ, символъ побѣды надъ смертію,—таково наиболѣе естественное объясненіе христіанскаго обычая красить въ пурпурный цвѣтъ пасхальныя яйца.

Послѣ этого станетъ понятнымъ и удобопріемлемымъ преданіе, записанное въ томъ самомъ церковномъ уставѣ, изъ котораго мы привели двѣ выдержки. Тамъ говорится, что «св. равноапостольная Марія Магдалина первая показала вѣрующимъ примѣръ *радостнаго* дароприношенія» въ день св. Пасхи. Какимъ образомъ?—Марія Магдалина вскорѣ послѣ вознесенія Господня на небо явилась въ Римъ, въ дворецъ къ императору Тиверію съ проповѣдью о воскресшемъ Спасителѣ и свою рѣчь къ нему начала съ того, что преподнесла ему красное яйцо, символъ радости, и сказала. «Христось воскресе!» Преданіе говоритъ, что эта проповѣдь сильно повліяла на Тиверія, онъ въ первый разъ отъ нея услышалъ объ убіеніи Спасителя и потому подвергъ суду Пилата.

Это преданіе скорѣе свидѣтельствуеетъ о существовавшемъ уже обычаѣ у христіанъ подносить другъ другу въ день Пасхи красное яйцо, какъ символъ радости: примѣръ Маріи Магдалины, можетъ быть, сильнѣе закрѣпилъ этотъ обычай. Но Марія Магдалина преподнесла этотъ даръ язычнику, какъ же объяснить это? Не будетъ ничего невѣроятнаго, если допустить, что Марія Магдалина воспользовалась обычаемъ, существовавшимъ въ Римѣ и у многихъ азіатскихъ народовъ, дарить другъ друга яйцами

при наступлені новаго года, приходившагося весною около времени праздника Пасхи.

Возможно и другое, хотя предположительное, но въ значительной степени вѣроятное объясненіе обычая дарить пасхальныя яйца.—Приведенное мѣсто изъ рукописнаго устава монастыря св. Анастасіи близъ Солуни показываетъ, что издавна сохранялся въ монастыряхъ обычай въ праздникъ Пасхи раздавать монахамъ красныя яйца. Мы также знаемъ, что по издавна заведенному обычаю въ православныхъ церквахъ въ этотъ день свѣтлаго торжества православные и теперь еще приносятъ въ храмъ хлѣбы—артосы для благословенія въ церкви и раздачи ихъ вѣрнымъ. Обычно артосы раздаются въ Фомино воскресенье, потому что ихъ сохранять возможно цѣлую недѣлю и больше; яйца же, обычно варенныя, не могутъ такъ долго сохраняться: ихъ надо было раздавать сейчасъ же послѣ ихъ освященія. Итакъ, если древніе христіане въ этотъ день приносили красныя яйца въ храмъ, въ собраніе вѣрныхъ, то они тогда же должны были раздаваться вѣрнымъ. А что такъ дѣйствительно и было въ древней церкви, на это указываетъ сохранившійся обычай приносить въ храмъ яства для освященія въ день Пасхи; яства эти теперь опять вѣрными уносятся домой, гдѣ и совершаются розговѣны; въ первенствующей же церкви, въ вѣкъ братскихъ агапъ, эти яства оставались въ храмѣ, тамъ совершалась общая братская трапеза. Когда агапы были упразднены, оставался еще обычай: предстоятели церкви раздавали вѣрнымъ части приношеній, въ томъ числѣ и красныя яйца,—обычай, долго сохранявшійся въ монастыряхъ, какъ видно изъ приведеннаго свидѣтельства одного рукописнаго устава X вѣка. Обычай этотъ изъ храма легко перешелъ въ дома, такъ какъ даръ церковный всегда почитался православными, какъ священный даръ, потому и самый обычай дарить красными яйцами почитался и почитается священнымъ въ средѣ строго православныхъ *).

*) Фактическій матеріалъ заимствованъ отчасти изъ брошюры П. Левашева: «Обычай употребленія красныхъ яицъ въ праздникъ св. Пасхи» 1895 г. Спб.

Есть и легендарное объяснение обычая дарить другъ другу красныя яйца. По этому объясненію, будто бы у родителей императора Александра Севера была курица, которая въ день рожденія сына ихъ, будущаго римскаго императора, снесла красное яйцо. Когда Александръ Северъ сдѣлался императоромъ (222—235 г.), вошло въ обычай въ знакъ благожеланія дарить красныя яйца. Дарившій выражалъ желаніе, чтобы получающій яйцо достигъ наибольшаго счастья, какъ Александръ Северъ. Подобно этому будто бы и христіане, дая другъ друга яйцами, выражаютъ желаніе удостоиться, подобно Спасителю, славнаго воскресенія изъ мертвыхъ и войти въ царство Его вѣчное.

У малороссовъ о происхожденіи писаннокъ и крашанокъ существуетъ, между прочимъ, такой легендарный рассказъ. «Когда евреи вели распинать Христа, шелъ въ городъ одинъ бѣднякъ и несъ яйца для продажи. И вотъ, когда подъ тяжестью ноши Христось палъ въ изнеможеніи на землю, бѣдняку жалко стало Страдальца и онъ, поставивъ въ сторону свою ношу, сталъ помогать Христу нести крестъ, а когда возвратился затѣмъ къ своей ношѣ, то нашель, что всѣ яйца стали писанками и крашанками. Понялъ тутъ бѣднякъ, что это ему сдѣлалъ такъ Богъ, и не понесъ онъ яицъ на базаръ, а сохранилъ ихъ, какъ память о случившемся. Съ того времени, по народному вѣрованію, и христіане стали дарить другъ другу писанки на Пасху.

Обычай дарить пасхальныя яйца существуетъ не только въ Россіи, но и въ Греціи, въ Азіи, въ Египтѣ, въ Ливіи, словомъ—на всемъ православномъ востокѣ. Повсюду въ дни Свѣтлаго Праздника Воскресенія Христова пасхальное яйцо употребляется, какъ символъ воскресенія Христова и какъ предметъ праздничныхъ подарковъ. Во многихъ мѣстахъ пасхальныя яйца окрашиваются въ красный цвѣтъ, напоминающій христіанамъ животворную кровь Искупителя. У грековъ, румынъ, болгаръ, сербовъ, чеховъ, поляковъ и у насъ, на Руси, особенно у малороссовъ, пасхальныя яйца раскрашиваются, кромѣ того, въ разнообразныя узоры, носящіе своеобразный характеръ, особый для каждой народности, соотвѣтственно національнымъ¹ вкусамъ. Расписанныя въ узоры

пасхальныя яйца называются у насъ «писанками», а окрашенныя въ одинъ цвѣтъ «крашанками» или «галунками». И хотя преобладающій цвѣтъ въ окраскѣ пасхальныхъ яицъ красный, но встрѣчаются яйца и другихъ цвѣтовъ: желтыя, зеленыя, розовыя, лиловыя и т. п. Въ Малороссіи же ихъ покрываютъ часто столь причудливыми рисунками и узорами, что въ послѣднее время южно-русскія писанки обратили на себя вниманіе даже этнографовъ какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время, особенно въ городахъ, все чаще и больше стали продавать яйца фарфоровыя, сахарныя, каменные, деревянныя и другія, служащія иногда простымъ футляромъ для какого-нибудь подарка и замѣняющія писанку изъ настоящаго куринаго яйца.

Въ Малороссіи и въ настоящее время съ приготовленіемъ и употребленіемъ писанокъ связаны своеобразныя обряды и повѣрья, говорящіе о важномъ значеніи ихъ въ религіозно-бытовой жизни народа. Приготавливаютъ писанки или «пишутъ», какъ говоритъ народъ, обыкновенно женщины и дѣвицы и начинаютъ свою работу недѣли за двѣ или за три до Пасхи, а оканчиваютъ въ Страстную недѣлю. Нѣкоторыя смотрятъ на это дѣло, какъ на какое-то священнодѣйствіе и приступаютъ къ нему не иначе, какъ отговѣвши. Чтобы раскраска вышла удачною, воду для красокъ и обмыванія яицъ стараются заготовить изъ колодца въ Страстной четвергъ, когда ударятъ въ первый разъ въ колоколь на Страсти, или же берутъ снѣговую воду изъ какой-нибудь долины и несутъ ее домой съ разными предосторожностями. Писать писанки можетъ не каждая женщина, а только нѣкоторыя любительницы, такъ какъ это дѣло требуетъ терпѣнія, сноровки и нѣкотораго искусства. Этимъ и объясняется отчасти то обстоятельство, что даже въ Малороссіи обычай приготавливать на Пасху писанки постепенно выводится и падаетъ качественно; по крайней мѣрѣ—по селамъ замѣчается уменьшеніе хорошихъ писанокъ.

Религіозно-обрядовое употребленіе «писанокъ» и «крашанокъ» или «галунокъ» приурочивается обыкновенно къ днямъ

Свѣтлой и Ѳоминой недѣли, преимущественно же къ первымъ днямъ Пасхи. Ими украшаютъ яства, приготовляемыя на Пасху, ихъ и освящаютъ вмѣстѣ съ этими яствами: при чемъ многіе хозяева въ Малороссіи приносятъ въ церковь для освященія уже очищенныя яйца изъ страха, чтобы освященная скорлупа не попала какъ-нибудь подъ ноги, и чтобы, такимъ образомъ, не была поругана святыня. Съ освященныхъ крашанокъ начинается обыкновенно разговѣніе; писанки и крашанки приносятъ прихожане въ церковь и предлагаютъ причту во время христосованья на вечернѣ въ первый день Пасхи, а также на утренѣ или по окончаніи литургіи на другой день. Писанками дарятъ другъ друга при христосованіи и предлагаютъ почетнымъ и уважаемымъ лицамъ, при чемъ изстари ведется, что, получивъ отъ кого-нибудь красное яичко, слѣдуетъ и съ своей стороны отдарить такимъ же. На другой день Пасхи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ходятъ по домамъ дѣти съ поздравленіемъ, и имъ даютъ писанку или кусокъ пасхи; дѣвушки дарятъ писанки (обычно пару) своимъ женихамъ. Окончивъ христосованье съ живыми, народъ обыкновенно ходитъ христосоваться съ умершими родственниками, громко возглашая надъ ихъ могилами: «Христось воскресе!»; при чемъ яйца зарываются въ землю или оставляются сверху на могилкахъ, откуда ихъ на другой день собираютъ нищіе. Первое полученное при христосованьи яйцо пользуется въ народѣ особеннымъ уваженіемъ, и его хранятъ подъ образами до слѣдующаго года, полагая, что оно никогда не портится. «Писанкамъ» и «крашанкамъ» приписывается даже цѣлебное значеніе и вообще народъ соединяетъ съ ними множество самыхъ разнообразныхъ повѣрій (Полт. Еп. В. № 12—13, 1900 г.).

Наша Бессарабія можетъ похвалиться красотой и изяществомъ своихъ «писанокъ». Наша Буковина (Хотинская) ежегодно изготовляетъ тысячи причудливыхъ узорчатыхъ писанокъ, которыя особенно интересны для любителей малорусской орнаментики.

Кіевскій музей къ бывшей въ 1907 году году выставкѣ южнорусскихъ кустарныхъ издѣлій успѣлъ собрать въ значительномъ числѣ и писанки со всего юга Россіи, въ томъ числѣ и

изъ Бессарабіи. Такого другого огромнаго собранія писанокъ, какъ въ Кіевскомъ музеѣ, намъ нигдѣ не приходилось видѣть.

В. Курдиновскій.

Къ вопросу о христіанскомъ отношеніи къ женщинѣ.

(Продолженіе *).

Древнерусская женщина-христіанка, живя взаперти, совершенно не знала и не видѣла своего мужа. Вся добрачная процедура совершалась при содѣйствіи свахъ. Слѣдовательно, въ бракъ, этотъ по преимуществу интимный актъ, вводилось совершенно постороннее лицо, которое, въ сущности, и играло въ данномъ случаѣ центральное значеніе. Къ голосу и мнѣнію свахъ прислушивались очень внимательно, и ихъ отзывъ обыкновенно имѣлъ рѣшающее значеніе. На этой почвѣ взаимнаго незнанія жениха и невесты нынѣ расцвѣтаетъ самый беззастѣнчивый обманъ. На смотринахъ некрасивая невеста замѣнялась красивой сестрой или служанкой; для малорослыхъ поддѣлывали даже подставные стулья, чтобы онѣ казались выше ростомъ ¹⁾. Иностранцы передаютъ довольно правдоподобный разсказъ объ одномъ такомъ обманѣ.

Одинъ молодой человѣкъ упорно добивался свиданія со своею невестою. Отецъ ея согласился: женихъ спрячется въ одномъ закоулкѣ недалеко отъ дома невесты, а дѣвушка пройдетъ мимо дома. Нужно сказать, что дѣвушка была крива на одинъ глазъ. Она дѣйствительно прошла, но здоровой своей стороною. Женихъ былъ въ восхищеніи отъ своей невесты ²⁾.

Отсюда—понятны слова Котошихина: «Нигдѣ вѣтъ такого обманства на дѣвки, какъ въ московскомъ государствѣ» ³⁾.

Легко себѣ представить, какая адская семейная жизнь создавалась благодаря этому. Деспотизмъ родительской власти замѣнялся деспотизмомъ мужа, и русская женщина попадала «изъ огня да въ полымя». Мрачныя келіи терема еще болѣе тѣснымъ кольцомъ сжимали ее, отдавая ее въ безраздѣльное распоряженіе супруга.

*) См. „Киш. Еп. Вѣд.“ № 50 за 1908 г.

¹⁾ Водовозова «Умственное и нравственное воспитаніе дѣтей». II.

²⁾ Строевъ «Очеркъ жизни московскаго государства предъ реформами» 49—50.

³⁾ Иконниковъ *ibid* 37.

Положеніе мужа въ семействѣ общественное мнѣніе того времени, согласно аскетической тенденціи, отождествляло съ значеніемъ игумена съ его безграничной властью надъ иноками. Устройство домашняго обихода должно было точно соответствовать монастырскому распорядку. Каждый домъ—это монастырь съ безграничною властью игумена-хозяина и строгимъ выполненіемъ иноческаго устава со всѣми его частыми моленіями. Только хозяинъ—игуменъ полноправный и самостоятельный его членъ, остальные—малолѣтніе и всецѣло подчиненные его волѣ. По замѣчанію Забѣлина, только онъ одинъ являлся *настоящею* личностью, для которой всѣ другія лица дома служили какъ бы необходимой обстановкой, необходимымъ придаткомъ ¹⁾).

Жена для него была не полноправнымъ членомъ семьи, а рабыней и малолѣтнимъ ребенкомъ, нуждавшейся въ беспощадной опекѣ и суровыхъ наказаніяхъ. Ея задача «Богу и мужу угодити», во всемъ ему покоряться. О всякой мелочи и пустякѣ жена должна была спрашиваться мужа. Посѣщеніе и пріемъ гостей также былъ обусловленъ согласіемъ мужа. «А въ гости ходити и къ себѣ звать:сылаться, съ кѣмъ велить мужъ». «Содержаніе и характеръ бесѣдъ ея съ гостями также точно заранее предусматривались Домостроемъ. Словомъ, желѣзная власть мужа подавляла всякую самостоятельность жены: безъ его позволенія она не могла сдѣлать малѣйшаго шага и предпринять самое ничтожное дѣло. Безъ разрѣшенія мужа верѣдко она не смѣла сама съѣсть или выпить.

Смотря на женщину, какъ на всецѣло опекаемое существо, Домострой рекомендовалъ мужу примѣнять къ ней и тѣлесныя наказанія. Единственно чего онъ боялся въ данномъ случаѣ, это—гласности: «а люди бы того не видали». Пусть страдаетъ нравственное достоинство жены, какъ человѣка и члена семьи, для Домостроя это не важно. Лишь бы не было огласки, и былъ соблюденъ декорумъ семейнаго благополучія. И никто не знаетъ, сколько, благодаря этому антихристіанскому принципу, погребено въ тайникахъ теремовъ страданій и трагедій, пережитыхъ русской женщиной-женой. А страданія ея, какъ мы уже видѣли и какъ показываетъ тотъ же Домострой, дѣйствительно были велики.

Домострой, признавая принципъ тѣлеснаго наказанія относительно жены, однако, протестуетъ противъ слишкомъ безчеловѣческаго его примѣненія. Онъ не совѣтуетъ бить жену по глазамъ, по уху, подъ сердце ни кулакомъ, ни пинкомъ, ни посохомъ, ни чѣмъ нибудь желѣзнымъ или деревяннымъ, указывая на многія вредныя послѣдствія, особенно, для

¹⁾ Забѣлинъ *ibid* 42.

беременныхъ женщинъ. Очевидно, повседневная житейская практика давала достаточно матеріала для такого протеста. Идеаль Домострой: «мужу жену своя наказывати и ползовати страхомъ наедяиѣ». При этомъ рекомендовалось «плетью съ наказаніемъ бити бережно: и разумно, и больно, и страшно, и здорово».

Въ Домостроѣ, какъ видимъ, преобладаетъ узко-утилитарная точка зрѣнія: бить можно, лишь бы не вредило физически. Домострой забываетъ о вредѣ чисто нравственномъ—униженіи и поруганіи нравственного достоинства женской личности, что безусловно достигалось всякимъ тѣлеснымъ наказаніемъ. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ, Домострой стоялъ въ глубочайшемъ противорѣчій съ христіанскимъ принципомъ безусловной цѣнности человѣческой личности, какъ вообще противорѣчила ему и вся древне-русская жизнь въ своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ. Иностранцевъ поражало крайне грубое и безчеловѣчное обращеніе на Руси мужей съ женами. По словамъ Колинза, «русскіе обходятся съ женами грубо и держатъ ихъ въ строгомъ повиновеніи. Года три или четыре тому назадъ одинъ знатный московскій гость билъ жену свою до тѣхъ поръ, пока могъ, плетью въ пальца два толщины; наконецъ, заставилъ ее вадѣть платье, напитанное водкой, три или четыре раза пергнанной, и зажегъ его, такъ что несчастная погибла въ пламени. Всего удивительнѣе, что смерть ея осталась неотмщенной никѣмъ, потому что въ Россіи нѣтъ уголовнаго закона, который бы преслѣдовалъ убійство жены, если убійство совершено за проступокъ. Нѣкоторые мужья привязываютъ женъ своихъ за волосы и сбькутъ совершенно нагихъ»¹⁾. Мужья били женъ по всякому малѣйшему поводу. У мужей обыкновенно висѣла плеть, предназначенная исключительно для жены и называемая *дуракъ*. «За ничтожную вину, говоритъ Костомаровъ, мужъ таскалъ жену за волосы, раздѣвалъ донага, привязывалъ веревками и сбькъ дуракомъ до крови—это называлось учить жену». О мужьяхъ, не бывшихъ женъ, говорили, «что онѣ домъ свой не строятъ и о своей душѣ не радятъ, и самъ погубленъ будетъ и въ семьъ вѣцѣ, и въ будущемъ, и домъ свой погубить»²⁾. Послѣ вѣчанія священникъ говорилъ новобрачнымъ поученіе, въ которомъ повелѣвалъ мужу учить жену палкой, какъ подобаеетъ главѣ. И такова была нравственная приниженность русской женщины, что многія искренно вѣрили въ необхо-

¹⁾ Строевъ *ibid* 50—51.

²⁾ Костомаровъ *ibid* 148.

димость побоевъ, считая самые побои признакомъ любви. Женщины говорили: «кто кого любитъ, тотъ того дунитъ, коли мужъ не бьетъ, значить, не любитъ».

Для надзора за женами мужа перѣдко держали шпионовъ, слѣдившихъ за каждымъ ихъ шагомъ. Отсюда—новый источникъ страданій для женъ, благодаря навітамъ шпионовъ.

Такое обращеніе мужей съ женами не могло, конечно, создать нормальной семейной жизни. Напротивъ, ихъ семейная жизнь часто была сплошной трагедіей, перѣдко завершавшейся ужасными катастрофами. Часто жены не выдерживали тиранинн мужей и прибѣгали къ ихъ отравѣ, на что указываетъ и пѣсня:

«Быть тебѣ отъ невѣсты истравлену.

Еще быть тебѣ отъ жены удавлену» ¹⁾,

Теремная жизнь, съ ея суровою замкнутостью, особенно беспощадна была для женъ царей. По словамъ одного иностранца, «русскіе не смѣютъ не только говорить свободно о своей царицѣ, но даже смотрѣть ей въ лице. Когда она идетъ по городу или за городъ, то экипажъ всегда бываетъ закрытъ, чтобы никто не видѣлъ ее. Русскіе такъ привыкли къ скромному образу своихъ государынь, что, когда нынѣшняя царица, проѣзжая первый разъ посреди народа, нѣсколько открыла окно кареты, *они не могли надивиться такому смѣлому поступку*» ²⁾. Удивленіе ихъ жизни такъ велико, «что ни одинъ мужчина, кромѣ слугъ, не можетъ ни видѣть ихъ, ни говорить съ ними, даже и почтеннѣйшія дамы не всегда имѣютъ къ нимъ доступъ». Вообще «изъ тысячи придворныхъ едва ли найдется одинъ, который можетъ похвалиться, что видѣлъ царицу или кого либо изъ сестеръ или дочерей государя. Даже и врачъ никогда не могъ ихъ видѣть» ³⁾ Комната, въ которой лежала больная царица, когда туда нужно было войти врачу, была такъ плотно завѣшана, что ничего нельзя было разсмотрѣть. Рука царицы, дабы врачъ, изслѣдовавшій ея пульсъ, не могъ прикоснуться къ ея тѣлу, была окутана тонкимъ покровомъ».

Выѣзды царицъ, напр., въ монастырь, были обставлены великою таинственностью и всяческими предосторожностями: у пономарей отбирали ключи, монахамъ же строго запрещалось выходить изъ келій на время царицына прѣзда. Ни игумень, ни монахи ее никогда не видѣли.

¹⁾ Иконниковъ *ibid* 55.

²⁾ Забѣлинъ *ibid* 287. Разумѣется Наталія Кирилловна Нарышкиныхъ.

³⁾ Иконниковъ *ibid* 36.

Въ церковь она входила «ограждена красными сукнами скрытно». Во время пѣшихъ выходовъ вокругъ нихъ во всѣ стороны носили суконныя полы, чтобы ихъ никто не видѣлъ.

Никогда царицы не присутствовали и при приѣмѣ иностранныхъ посольствъ.

Такимъ образомъ, древняя допетровская Русь не питала особаго уваженія къ женской личности. Запертая же въ теремъ, она лишена была возможности принимать участіе въ какомъ либо общественномъ дѣлѣ и совершенно была отрѣзана отъ всякихъ общественныхъ интересовъ. При такихъ условіяхъ дѣятельное общественное служеніе русской женщины было невозможно. Теремъ, игнорируя всякіе идеальныя запросы женской души, гасилъ всякую живую мысль и чувство, давилъ и уничтожалъ всякій зародышъ инициативы и самостоятельности. «Молитва и милостыня—вотъ исключительная, единственная и достойная ствхія этой жизни, руководившая не только помышленіями, но и всѣми поступками и подвигами ея дѣятелей. Келейное, т. е., домовное и церковное правило и подвиги милосердія—вотъ въ чемъ заключалось главное, коренное и неизмѣнное *дѣло* этой жизни»¹⁾.

Исключительными и единственными женскими подвигами являются подвиги любви къ ивочеству и благотворительности всякому убогому люду. Идеальнымъ образомъ женщины была та, о которой можно было сказать: «Ни на что же иное упражняется, но только о церковныхъ потребахъ и о милowanіи укоренныхъ, маломощныхъ и всѣхъ бѣдующихъ»²⁾.

Русская женщина, крайне ограниченная въ своей дѣятельности теремнымъ заключеніемъ, жестоко мстила за свою неволю. Ея энергія, подавленная жестокою неволюю, бурно прорывалась въ нравственной распущенности. Измѣна женъ была обычнымъ явленіемъ. Часто женщины напивались пьяными и тогда, если представлялся случай, предавались первому мужчинѣ. Олеарій также говоритъ о пьянствѣ и безнравственности русскихъ женъ. Существовалъ даже особый типъ женщинъ-сводницъ, «что молодыя жены съ чужими мужьями сваживаютъ». Мужья же не стѣснялись заводить цѣлыя гаремы, недовольныхъ же этимъ женъ отравляли. Не брезгали русскія женщины порочными сношеніями и съ иностранцами, несмотря на всеобщее омерзѣніе ко всему неправославному. Вообще, теремъ не предохранялъ русское общество отъ крайней нравственной распущенности. Въ теремахъ съ особенною любовію выслушива-

¹⁾ Забѣлинъ *ibid* 247.

²⁾ *ibid* 97.

лись самые циничные и скандальные рассказы. По словамъ Олеарія, «обыкновенно ведутъ они рѣчь о сладострастіи, о гнусныхъ порокахъ, совершенныхъ частью ими, частью другими. Невозможно вообразить, до какой степени предаются они чисто животнымъ побужденіямъ»¹⁾. Туже нравственную анархію терема рисуетъ и Посошковъ. «За искусственно огражденной твердыней старо-русской-семьи, говоритъ Милюковъ, ничѣмъ не сдерживаемая, звѣрская страсть кипитъ и клокочетъ кругомъ». Ребенку внѣ дома грозитъ «содомскіи грѣхъ: юношу лишняя минута разговора съ женщиной—грозитъ сдѣлать «внѣ ума», мужчины «звѣрски» удовлетворяютъ свою похоть»²⁾.

Словомъ, русскій теремъ всегда былъ притономъ нравственной распущенности и началомъ деморализующимъ. Стремясь къ сохраненію семьи и водворенію семейной и общественной нравственности, онъ пришелъ къ самоотрицавію, чѣмъ и доказалъ свою полную непригодность и несостоятельность. Внутри его кипѣли бурныя страсти, которыя съ страшной силой и прорвались при царевнѣ Софьѣ. Нужна была только могучая воля, которая бы разрушила этотъ мнимый очагъ семейной нравственности. Нужна была реформа въ положеніи русской женщины. И она пришла: пробилъ часъ петровской реформы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Исканіе Бога.

Чувствуется какая то грусть и даже неловкость, когда слышишь, что «священникъ ищетъ Бога». Но нечего правды скрывать, а надо какъ можно громче объ этомъ кричать, такъ какъ чувствуется сильнѣйшая боль сердца, какъ бы при потерѣ любимаго существа—отца, матери, друга; и какъ при всякомъ горѣ чувствуешь себя легче, если дѣлишься этимъ горемъ съ кѣмънибудь, который бы участливо къ тебѣ отнесся,—такъ и въ данномъ случаѣ,—психологія требуетъ, для облегченія себя, по дѣлиться своими мыслями и чувствами съ своими собратьями, которымъ не безразлично имя Божіе,—тѣмъ болѣе, что аналогичныя мысли и чувства переживаются многими.

¹⁾ biid 391.

²⁾ Милюковъ. Очерки Ч. III, В. II, 202 [20].

Живо вспоминаются мнѣ дѣтскіе годы, время въ духовномъ училищѣ, а потомъ и въ первыхъ классахъ Семинаріи,—когда не было для меня большей радости, какъ быть въ церкви и крѣпко, крѣпко помолиться Богу. Замѣчалъ я даже,—и не одинъ разъ, и не два, а сотни разовъ,—что какая была молитва моя въ церкви въ воскресеніе, такая была и жизнь моя въ послѣдующую недѣлю, т. е., если вся молитва была хорошая, искренняя, то и недѣля вся была для меня хорошей, а если только начало молитвы было хорошимъ, то и недѣли только начало было для меня счастливымъ, и наоборотъ. Время это было для меня самымъ счастливымъ временемъ въ моей жизни, въ смыслѣ чувствованія себя подъ постояннымъ и самымъ близкимъ водительствомъ Божиимъ. Это былъ такъ называемый житейскій опытъ познанія Бога. Но этотъ опытъ казался мнѣ недостаточнымъ для полнѣйшей религіозной жизни, а хотѣлось, да и программой семинарской этого требовалось, обогатиться еще книжнымъ опытомъ, тѣмъ болѣе, что съ каждымъ годомъ высшаго обученія все больше и больше увеличивались религіозные запросы и вопросы, подъ вліяніемъ возраста и естественнаго развитія и, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ окружающей книжной и живой среды. И на этотъ второй путь—(путь религіознаго развитія посредствомъ книгъ)—я имѣлъ законнѣйшее нравственное право, такъ какъ я твердо запомнилъ пословицу еще въ народной школѣ, что «ученіе свѣтъ, а неученіе тьма», и ни на минуту я не сомнѣвался, что «ученіе» дастъ мнѣ все желанное въ религіозной области и облегчитъ мою мятущуюся душу, связанную религіозными,—навѣянными со внѣ, недоумѣніями.—Но, увы; мое «ученіе» кончилось, и даже по первому разряду,—а недоумѣнія еще не окончились. Но все таки я не терялъ надежды, что свѣтъ *полнаго ученія* разсѣетъ весь мракъ въ религіозной жизни, такъ какъ часто я замѣчалъ, въ послѣднихъ классахъ Семинаріи, что пылкія и убѣжденные рѣчи нашего незабвеннаго, прекраснаго преподавателя по Богословію Сергѣя Ильича Богоявленскаго освѣщали многіе темные уголки религіознаго жизнепниманія,—но, конечно, чувствовалось и сознавалось, что для полнаго освѣщенія всѣхъ религіозныхъ вопросовъ не было ни времени, ни пособій,—и уже по окончаніи курса только сильно, сильно сожалѣлъ, что лучшіе годы въ Семинаріи не дали всего

того, что нужно для истинно пастырской жизни—сильныхъ убѣжденій? Жизнь же моя религіозная не могла, конечно, ждать отвѣта на всѣ свои запросы, чтобы потомъ себя проявить, такъ какъ это равносильно было бы смерти,—а чаще вспоминалъ я за это время свой прежній, дѣтскій религіозный опытъ,—самый чистый, стараясь заглушать свои недоумѣнія,—и когда я такъ могъ молиться,—что было и въ послѣднихъ классахъ Семинаріи, и въ настоящее время продолжается,—это было самое счастливое время для меня, пока какой нибудь недоумѣнный запросъ опять не отравитъ моей счастливой жизни. Такимъ образомъ, чувствовалось и чувствуется во мнѣ два борющихся начала,—одно доброе—это чистый житейскій религіозный опытъ, который доставлялъ и доставляетъ мнѣ большое удовлетвореніе въ моей религіозной жизни,—и другое начало—злое,—это книжный мой религіозный опытъ, который отравлялъ и отравляетъ меня своими сомнѣніями и недоумѣніями въ моей религіозной жизни.—Поэтому, правду сказать, я всегда завидовалъ моей доброй и весьма религіозной, но некнижной, матери, которая всегда чувствовала и чувствуетъ себя на молитвѣ и послѣ молитвы самой счастливой женщиной, такъ какъ ея не коснулись никакіе книжные религіозные наносы. Но всетаки я никогда не соглашусь, чтобы ученіе было не свѣтомъ, а тьмой,—вопреки пословицѣ,—а думаю, что «ученіе» то это-только поверхностное, а, можетъ быть, даже временами и превратное. Вѣдь никогда не можетъ быть (я говорю на основаніи опыта), чтобы то, что доставляетъ полнѣйшее наслажденіе и отраду въ земной жизни человѣка-какъ молитва,—не соотвѣтствовало бы дѣйствительности, т. е. было бы противно природѣ человѣка.

Исходя изъ этого послѣдняго—самого сильного моего убѣжденія, я не переставалъ надѣяться, что свѣтъ *истиннаго* книжнаго ученія освѣтитъ всѣ уголки религіознаго непониманія, и поэтому еще въ 1906 году помѣстилъ въ «Кишинев. Епарх. Вѣдомостяхъ» въ № 33 статью подъ заглавіемъ: «Курсы для православнаго духовенства», которая была (въ отрывкахъ) перепечатана въ Академическомъ журналѣ «Церковный Вѣстникъ» въ 1907 году въ № 30,—а отсюда перепечатано и въ синодальныхъ «Церков. Вѣдомостяхъ» за тотъ же 1907 годъ. Идея эта—о необходимости учрежденія курсовъ для православнаго духовенства

для довершенія, главнымъ образомъ, богословскаго образованія послѣдняго, очень поддерживалась «Церковнымъ Вѣстникомъ», который въ одномъ мѣстѣ (№ 30 за 1908 г.) высказался такъ: «духовенство не можетъ собственными силами пріобрѣсти нужныя ему знанія и выработать собственными усиліями программу и наиболѣе рациональные методы дѣятельности соотвѣтственно особенностямъ нашего времени; для этого оно не располагаетъ ни нужными книгами, ни руководствомъ, необходимымъ для того, чтобы разобратъся въ обильной литературѣ по текущимъ вопросамъ, ни временемъ для того, чтобы изъ безсистемнаго (чтенія) составить систему (воззрѣній) и изъ количественно большаго составить качественно хорошее. Наиболѣе вѣрнымъ и цѣлесообразнымъ способомъ снабдить духовенство нужными знаніями были бы пастырскіе курсы... остается только пожеланіе, чтобы идея курсовъ была одобрена церковной властью».—Мыслей моихъ, положенныхъ въ основаніе учрежденія курсовъ для духовенства, не буду теперь опять повторять,—а желающихъ ихъ узнать или вспомнить прошу прочитать мою статью въ № 33 «Киш. Епарх. Вѣд.» за 1906 годъ. Скажу только, что эту идею я опять поднимаю и поддерживаю, такъ какъ другого способа для полнаго богословскаго и вообще гуманитарнаго образованія духовенства, чтобы создать убѣжденныхъ пастырей, идейныхъ, а не наемниковъ,—я пока не нахожу. Пробовалъ я лично путемъ самообразованія достигъ возможно полнаго богословскаго образованія,—и для этого выписалъ программу чтенія по Богословію.—сочиненіе проф. Кіевскаго Университета, протоіерея П. Я. Свѣтлова, подъ заглавіемъ: «Что читать по Богословію? Систематическій указатель апологетической литературы на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ (248—1906 г.г.). Кіевъ. Цѣна 1 р. 50 к.».—Въ этой книгѣ очень хорошо и обстоятельно указано все, что нужно для чтенія по Богословію; но оказывается, что всѣхъ сочиненій на разныхъ языкахъ по Богословію есть 1820 книгъ, которыя съ большой пользой могутъ быть прочитаны (книги, не представляющія ничего особенно полезнаго для чтенія по Богословію, въ указателѣ совсѣмъ не указаны),—а на русскомъ только языкѣ, нужныхъ книгъ по Богословію, по сокращенному указателю проф. прот. Свѣтлова, есть 450 сочиненій, которыя непременно надо прочитать, чтобы имѣть

достаточно полное религиозное міропониманіе, такъ какъ, хотя нѣсколько сочиненій и говорятъ по одному и тому же вопросу, но съ разныхъ точекъ зрѣнія, и поэтому всѣ 450 сочиненій нужны, которыя, по словамъ проф. Свѣтлова, выставлены какъ эссенція или экстрактъ изъ всѣхъ книгъ, нужныхъ по Богословію. Многія изъ этихъ книгъ по «Указателю» стоятъ по 3—5—10 и даже 20 рублей,—какъ, на примѣръ, соч. А. П. Лопухина—«Библейская Исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій-Ветхій Завѣтъ» въ 2-хъ томахъ; цѣна 20 руб.,—а Новый Завѣтъ того же автора стоитъ 12 руб. Значитъ, всѣ 450 сочиненій должны обойтись нѣсколько тысячъ рублей. Развѣ по средствамъ одному человѣку ихъ выписать, да и станетъ ли времени всѣ эти книги прочитать приходскому священнику, занятому и по хозяйству, и по школамъ, и по приходу?! Никогда. А между тѣмъ надо непременно какимъ нибудь путемъ удовлетворить тѣ религиозные запросы, которые и жизнью, и школой уже затронуты: вѣдь тутъ затрагивается не какая нибудь политическая доктрина, или какое нибудь улучшение по сельскому хозяйству, съ которыми можно, по обстоятельствамъ, и подождать,—а касается это того высокаго, святаго, съ которымъ связаны-или жизнь, или смерть (духовная) человѣка. Я даже недоумѣваю,—какъ можно остановиться по столь важному вопросу на полпути, и въ то время, какъ есть такіе свѣтоочи христіанской религіи,—какъ просвѣщеннѣйшіе въ этой области люди, съ своимъ великимъ религиознымъ опытомъ,—какъ почившій о. Іоаннъ Кронштадтскій, который оставилъ намъ массу сочиненій для Богопознанія,—а потомъ нынѣ здравствующие:—1) прот. П. Я. Свѣтловъ, проф. Кіевскаго Университета, 2) Епископъ Теофанъ, нынѣ ректоръ С.-Петербургской Духовной Академіи, который, по словамъ студентовъ Академіи, дошелъ до удивительной духовной зрѣлости, 3) и, по словамъ Преосвященнаго Серафима, священникъ Георгій Коссовъ, который своею жизнью и дѣтельностью во многомъ похожъ на о. Іоанна Кронштадтскаго,—въ это время мы со дня на день становимся все болѣе и болѣе окутанными какимъ то мракомъ сомнѣній и разныхъ религиозныхъ недумѣній. Неужели наша религія должна быть какъ бы достояніемъ подземныхъ ущелій, а не свѣтомъ научнымъ, просвѣщающимъ весь міръ. Вѣдь каждый изъ насъ какъ бы боится изслѣдовать

свое религиозное міропониманіе до конца только потому, что не знаетъ, что изъ этого выйдетъ, и, можетъ быть, даже думаетъ, что въ этихъ поискахъ потеряетъ и то, что онъ имѣетъ. А это большое недоразумѣніе и даже близорукость, по моему:—тогда можно быть чѣмъ угодно, только не идейнымъ пастыремъ, такъ какъ, если такъ думать, или бояться, что наше религиозное міропониманіе можетъ моментально разрушиться отъ одного прикосновенія свѣта истинно научнаго знанія,—тогда ничего и не стоитъ такое жизнепониманіе,—и мы тогда сами становимся въ тупикъ предъ самими собой; поэтому мы и такіе, ни теплые, ни холодные. А между тѣмъ, по указаніямъ научно-богословскихъ авторитетовъ, на которыхъ дѣлаются ссылки въ «Указателѣ» проф. Свѣтлова, истинная наука не только не противорѣчитъ христіанству, но, во многомъ, даже подтверждаетъ его и вообще религію; только, къ сожалѣнію, мы не имѣли и не имѣемъ возможности каждый порознь узнать все, что касается религіи,—а возможно это сдѣлать всѣмъ пастырямъ сообща, устройвъ пастырскіе курсы.—Я, напримѣръ, по «Указателю» и по совѣту одного студента Петербургской Дух. Академіи выписалъ книгу—«Физико-телеологическое доказательство бытія Божія», соч. э. о. проф. С.-Пет. Духов. Академіи Протоіерея Е. Аквилонова, изд. 1905 г., цѣной 3 р.,—которую уже прочиталъ; но книга эта, несмотря на то, что она мѣстами въ высшей степени цѣнна (научно) и убѣдительно,—въ особенности, гдѣ касается доказательствъ изъ естественныхъ наукъ (изъ цѣлесообразности во вселенной заключается къ бытію Божію)—приподняла завѣсу самого незначительнаго уголка религиозныхъ недоумѣній (хотя нѣкоторыя главы, какъ глава XII о страданіяхъ Спасителя, и лишни въ ней, какъ для заглавія книги, такъ и по малоубѣдительности своей),—и поэтому одна такая книга, хотя и цѣнная—какъ научно, такъ и по карману,—это—капля въ морѣ научнаго Богословія; и о томъ, чтобы самому выписывать такія дорогія книги, нечего и думать. Было бы хорошо, пожалуй, устроить уѣздныя или, въ крайнемъ случаѣ, окружныя духовныя бібліотеки, на которыя каждый священникъ охотно дастъ до 5 руб. и изъ церковныхъ суммъ по 10 руб., и на окружную бібліотеку соберется ежегодно до 500 р. (считая около 30 священниковъ съ низшими членами причта) и до 2000 руб. ежегодно на Уѣздныя бібліотеки (считая до 120 свящ.

въ уѣздѣ съ псалом. и дьяконами). На эти средства могутъ быть ежегодно пополняться бібліотеки—въ особенности уѣздныя,— съ самымъ обширнымъ и тщательнымъ подборомъ книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія,—а въ особенности по Богословію, которыя прійдется въ первую же очередь выписать. Но я думаю, что такими бібліотеками будетъ создана только половина дѣла, такъ какъ во всей такой громаднѣйшей бібліотекѣ надо будетъ умѣть ориентироваться, чтобы съ пользой для себя взять и прочитать книгу. А для этого опять нужны тѣже курсы для духовенства,—на которыхъ выдающіеся лекторы изъ профессорвъ Академіи и Университетовъ сообщали бы все главнѣйшее изъ наукъ богословскихъ и гуманитарныхъ,—приводили бы все нужное знаніе въ систему или программу и указывали бы потомъ источники, изъ которыхъ потомъ можно дополнить на курсахъ свѣдѣнія. И кромѣ того, какое вліяніе и даже обаяніе будетъ имѣть убѣжденный и талантливый лекторъ на слушателей,—никогда такое вліяніе на читателей не будетъ имѣть даже очень хорошая книга. Вѣдь на лекціяхъ участвуетъ, такъ сказать,—весь человѣкъ, во всѣми своими чувствами,—и что разсудокъ не вполнѣ пойметъ,—то восполнить чувство внушенія, и этимъ создается громаднѣйшее впечатлѣніе на слушателей,—а отсюда и польза. Притомъ, какое громаднѣйшее вліяніе, въ смыслѣ обогащенія себя знаніями, будетъ имѣть на слушателей курсовъ одно даже общеніе ихъ между собой въ сферѣ однихъ чаяній и впечатлѣній; и даже подъ часъ, можетъ быть, нѣкоторые изъ слушателей превратятся въ чудныхъ лекторовъ, дѣлясь своими житейскими впечатлѣніями въ религіозной области. Остается только пожелать вмѣстѣ съ «Церк. Вѣстникомъ», чтобы идея курсовъ была одобрена церковной властью. Но тутъ, говорятъ нѣкоторые пессимисты, и есть запятая: «все равно, говорятъ, изъ этихъ курсовъ ничего не выйдетъ, такъ какъ не будетъ позволено свободно обсуждать всѣ недоумѣнные религіозные вопросы». Я же думаю, что ни въ интересахъ церковной власти, ни въ интересахъ нашей религіи нѣтъ достаточныхъ основаній запрещать духовенству получить рѣшительно всѣ, всѣ нужныя для него знанія, какъ по церковно-богословскимъ вопросамъ, такъ и вообще по всѣмъ другимъ вопросамъ: вѣдь священники—не дѣти, которымъ одно можно сообщать, а другое нѣтъ; да и все рав-

но, если кто что захочет непременно узнать, то это узнать, — если не законнымъ, то тайнымъ путемъ,—и послѣднее несомнѣнно хуже по своимъ разрушительнымъ послѣдствіямъ, такъ какъ «запрещенный плодъ сладокъ». Но я опять повторяю, что въ интересахъ самой нашей религіи—доставить духовенству какъ можно больше научныхъ средствъ, чтобы оно узнало рѣшительно все, что касается міра и человѣка, чтобы духовенство было дѣйствительнымъ свѣточемъ, какъ для себя, такъ и для другихъ; а по религіознымъ вопросамъ будетъ преступленіемъ со стороны даже самаго духовенства, если оно не поинтересуется и не постарается узнать все необходимое и возможное для него.

Мнѣ кажется, что въ настоящее время, когда нашъ Пресвященный Епископъ Серафимъ, по мысли Св. Синода, вознамѣрился полнѣйшимъ образомъ осуществить идею возрожденія приходской жизни,—особенно благопріятно поднять опять вопросъ объ учрежденіи курсовъ для православнаго духовенства въ нашей епархіи, такъ какъ вся эта реформа приходской жизни будетъ плодоносна только въ томъ случаѣ, если будутъ дѣйствовать въ жизни не автоматы-проводники Епископскихъ предначертаній, а идейные священники, полные энтузіазма и доброй воли послужить ближнему, какъ любовью, такъ и въ особенности пламенной искренней молитвой,—но идеи которыхъ не будутъ, конечно, расходиться съ Архипастырскими предначертаніями.

Было бы хорошо, какъ говорилъ и «Церковный Вѣстникъ», учредить курсы для духовенства нѣсколькихъ сосѣднихъ епархій, если невозможно ихъ будетъ учредить отдѣльно по епархіямъ: такъ будетъ и экономнѣе, и интереснѣе, но за то, конечно, меньше будетъ слушателей отъ каждой епархіи изъ за дальности разстоянія.—Но для нашей епархіи очень хорошо было бы учредить курсы въ Кіевѣ вмѣстѣ съ Кіевской епархіей и другими сосѣдними,—такъ какъ тамъ живутъ нѣкоторые нужные для этого профессора и очень удобное мѣсто—помѣщеніе для курсовъ—въ Академіи. Очень желательно было бы услышать на страницахъ Епарх. Вѣд. голоса своихъ собратьевъ по этому вопросу—за и противъ, чтобы достаточно освѣтить всѣ стороны этого вопроса, или, можетъ быть, духовенство пожелаетъ пока учредить хотя бы окружныя или уѣздныя бібліотеки. Всего

легче это может выясниться при доброй волѣ и стараніи о. о. благочинныхъ, которые могутъ предложить эти вопросы на разсмотрѣніе своего окружного духовенства на сѣздахъ и, сдѣлавъ по этимъ вопросамъ постановленія, отослать ихъ въ редакцію Епарх. Вѣдомостей для напечатанія. Въ нашемъ, напр., округѣ 2-го сорокского уѣзда—есть до половины состава священниковъ, желающихъ быть на такихъ курсахъ, но, конечно, объ ихъ такомъ желаніи въ другихъ округахъ, не знаютъ. Такіе самые желающіе могутъ быть и въ другихъ округахъ, но о нихъ никто не знаетъ. Но когда, при помощи нашего органа «Епарх. Вѣд.» и добромъ желаніи всѣхъ интересующихся этими вопросами, идея курсовъ будетъ достаточно привита духовенству и не найдетъ она никакихъ подводныхъ камней для своего осуществленія, тогда можно будетъ на страницахъ Епарх. Вѣд. начать собирать подписи желающихъ слушать эти курсы.

Да, я вспомнилъ, что нашъ Преосвященнѣйшій Епископъ Серафимъ, въ видѣ мѣры для созданія идейнаго пастырства, совѣтуетъ читать сочиненія епископовъ Игнатія Брянчанинова и Θεофана Затворника, которыя доставляютъ читателямъ «высшее наслажденіе». Скажу я на это словами Христа: «блажени чистые сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ:» я думаю, что не меньшее впечатлѣніе могутъ оставить на читателей и сочиненія св. Іоанна Златоуста и св. Василія Великаго—этихъ высокообразованныхъ—и научно и жизненно—святыхъ мужей,—но однако же не всѣ читатели получаютъ отъ этихъ сочиненій должное наслажденіе, а только тѣ, у которыхъ—чистое сердце,—которые имѣютъ счастье не быть отравленными ядомъ разныхъ религіозныхъ недоумѣній съ личиной даже научности. Вотъ для созданія этого чистаго сердца, для уничтоженія этихъ преградъ ко вступленію въ чистую религіозную жизнь нужны пастырскіе курсы, которые, конечно, не дадутъ вѣры никому, но очистятъ путь для этой вѣры, удаливъ все нечистое изъ мыслей и сердца вѣрующаго челоуѣка и создавъ, такимъ образомъ, ту добрую почву, на которой сочиненія епископовъ Игнатія Брянчанинова и Θεофана Затворника, св. Іоанна Златоуста и св. Василія Великаго и мн др. дадутъ хорошій плодъ.

Свящ. *Евдокимъ Лисникъ.*

Обычаи и нравы.

(Очеркъ изъ жизни крестьянъ с. Гординешть, Хот. у.,

Хочу подѣлиться съ Вами, благосклонные читатели, своими впечатлѣніями относительно нравовъ и обычаевъ гординештскихъ крестьянъ. Дѣло вотъ въ чемъ.

Во время бездождія, лѣтомъ 1908 года, наблюдались такіе случаи: похороны русалки. Этотъ обрядъ, если только можно его такъ называть, состоитъ въ слѣдующемъ. Участвуютъ только женщины. Одна изъ женщинъ наряжается священникомъ: набрасываетъ на себя какія-то лохмотья и несетъ куклу, сдѣланную изъ тряпокъ. Другія участницы несутъ, такъ называемые, флаги: длинныя палки, на верхнихъ концахъ которыхъ развиваются порванный, ненужный платокъ, кусокъ старого женскаго платья или мужскаго зипуна и пр.; нѣкоторыя изъ нихъ несутъ воду, заступъ, лопату: вода предназначается для обливанія встрѣченныхъ, заступъ и лопата — для могилы.

Изображающая изъ себя священника идетъ впереди всѣхъ и причитываетъ что-то.

Такимъ порядкомъ, гурьбой, выходятъ онѣ изъ села на поле и на перепутьи роютъ яму, закапываютъ ту куклу-русалку, а потомъ справляютъ поминки, какъ по усопшемъ. На поминкахъ дарятъ куръ, обязательно черныхъ, и пьютъ водку, при чемъ каждая изъ участницъ долгомъ считаетъ напиться до умопомраченія, такъ что къ концу тризны всѣ участницы, безъ исключенія, превращаются въ четвереногихъ животныхъ. Это одно.

Другое. Во время же бездождія въ 1908 г. имѣлъ мѣсто еще такой случай.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна женщина (несчастный случай) утонула и погребена она на сельскомъ кладбищѣ. Тогда на ея могилу пришли женщины, руководителемъ ихъ была одна баба, мѣстная ворожея и колдунья, и длиннымъ коломъ пробили могилу до гроба и лили воду.

У гординештскихъ жителей, есть повѣрье, что, если лить воду на гробъ утопленницы и хоронить русалку (нечистую силу), пойдетъ дождь.

Изъ вышеприведеннаго видно, что мѣстные крестьяне хо-

тятъ умилоствити Бога не молитвою, покаянiемъ и добрыми дѣлами, а такими средствами, которыя употреблялись ихъ предками еще до временъ татарскаго нашествiя.

Учитель *Василій Варзарь*.

Епархіальная хроника.

◆ 20 марта, по случаю столѣтiя со дня рожденiя писателя Н. В. Гоголя, Преосвященный Серафимъ совершилъ въ каѳедральномъ соборѣ литургію преждеосвященныхъ Даровъ, а послѣ литургіи совершилъ на соборной площади панихиду по Н. В. Гоголѣ въ сослуженiи Преосвященнаго Никодима. Предъ панихидою Преосвященный Серафимъ произнесъ рѣчь о Гоголѣ, какъ художникѣ и христiанинѣ (будетъ напечатана въ слѣдующемъ номерѣ). На панихидѣ присутствовали воспитанники духовно-учебныхъ заведенiй, церковно-приходскихъ школъ, гимназiй и др. школъ. За литургіей преждеосвященныхъ Даровъ въ этотъ день былъ рукоположенъ во діакона выдержавшій экзаменъ на полученiе священства, бывшій студентъ С.-Петербургскаго университета, Александръ Назлымовъ, опредѣленный на священническое мѣсто къ церкви с. Ставчаны, 2-го округа Хотинскаго уѣзда.

◆ 21 марта, наканунѣ Входа Господня въ Иерусалимъ, Преосвященный Серафимъ совершилъ всенощное бдѣніе въ каѳедральномъ соборѣ въ сослуженiи Преосвященнаго Никодима.

◆ 22 марта, въ день Входа Господня въ Иерусалимъ, Преосвященный Серафимъ совершилъ литургію Іоанна Златоустаго въ каѳедральномъ соборѣ въ сослуженiи Преосвященнаго Никодима. За литургіей былъ рукоположенъ во іерея діаконъ Александръ Назлымовъ, опредѣленный на священническое мѣсто къ ц. с. Ставчаны, 2 окр. Хот. уѣзда. Послѣ причастиаго стиха епархіальный противосектантскiй миссіонеръ іеромонахъ Гурiй произнесъ соотвѣтствующее дню слово.

Въ тотъ-же день, въ 4 часа пополудни, Преосвященный Серафимъ читалъ акаѳистъ, предъ Чудотворной Гербовецкой иконой Божіей Матери въ крестовой архіерейскаго дома Церкви, а послѣ акаѳиста предложилъ молящимся архипастырскую бесѣду.

◆ Архієпископъ Донской и Новочеркасскій Владиміръ, со свойственной его пастырскому сердцу отзывчивостью, откликнулся на постигшее кишиневцевъ бѣдствіе, препроводивъ сто рублей при слѣдующей телеграммѣ на имя А. Н. Крупенскаго: «Посылаемые телеграфомъ сто рублей прошу васъ раздать кишиневцамъ, пострадавшимъ отъ наводненія. Молитвенно желаю, чтобы любовь христіанская облегчила горькую нужду бѣдствующихъ.

Архієпископъ донской Владиміръ.

◆ М. Флорешты. Моленіе о статсъ-секретарѣ П. А. Столыпинѣ.

Въ Флорештской церкви по окончаніи богослуженій, когда случаются въ такіе дни въ приходѣ умершіе или тяжело больные, священникъ Василій Гума объявляетъ имена ихъ,—иногда—же и лицъ постороннихъ,—присутствующимъ прихожанамъ, дабы всѣ они возносили свои молитвы, о первыхъ—о вѣчноблаженномъ упокоеніи ихъ, о другихъ—объ ихъ исцѣленіи.

8 сего марта вся церковь помолилась о больномъ премьеръ—министрѣ, статсъ-секретарѣ П. А. Столыпинѣ. И, въ тотъ-же день, о. Гума подана на имя его въ Петербургъ слѣдующая телеграмма: «за сегодняшнимъ Богослуженіемъ мои прихожане—бессарабцы преклоняли со мною колѣна о полномъ выздоровленіи Вашего Высокопревосходительства. Да услышитъ Богъ и приметъ моленіе всей Россіи благодарной, о Васъ, дорогой Правитель нашъ, великій Петръ Аркадьевичъ, обратившемъ враговъ ея назадъ, обезоружившемъ совсѣмъ ихъ».

На имя о. Гума поступила благодарность—черезъ директора канцеляріи Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ слѣдующихъ словахъ: «Г. Министръ поручилъ мнѣ просить Ваше Преподобіе принять и передать прихожанамъ Вашего прихода выраженіе искренней Его Высокопревосходительства благодарности, за молитвы и выраженныя въ телеграммѣ, отъ 8 текущаго марта, благопожеланія.

Увѣдомляя объ изложенномъ, прошу принять увѣреніе въ отличномъ уваженіи и совершенной преданности. Кноль».

Письмо въ редакцію Кишиневскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Не откажите, м. г. г. Редакторъ, помѣстить въ ближайшемъ номерѣ «Е. В.» настоящее письмо.

Освѣдомленныхъ лицъ покорнѣйше прошу помочь мнѣ розыскать подрядчика церковныхъ работъ Михаила Яблонскаго, работавшаго въ 1906—7 годахъ въ Оргѣвскомъ уѣздѣ. За одолженіе буду очень благодаренъ. Увѣдомить прошу открыткой по адресу: ст. Шолданешты ю. з. ж. д. св. Б. Бинецкому.

Съ почт. свящ. Бинецкій.

Иноепархіальная хроника церковно-общественной жизни.

◆ Изъ постановленій Казанскаго епархіальнаго съезда. На обсужденіе Казанскаго епархіальнаго съезда былъ представленъ докладъ комисіи по разработкѣ матеріаловъ, доставленныхъ благочинническими собраніями духовенства Казанской епархіи, по вопросу о матеріальномъ обезпеченіи духовенства. Изъ этого доклада видно, что по вопросу о матеріальномъ обезпеченіи духовенства благочинническіе съезды единогласно высказались въ смыслъ крайней необходимости замѣны существующаго способа матеріальнаго обезпеченія другимъ, болѣе удовлетворительнымъ. Во всѣхъ безъ исключенія отзывахъ духовенства указывается на то, что существующій въ настоящее время способъ вознагражденія духовенства за его труды унижаетъ, роняетъ авторитетъ духовенства, которое одно изъ всѣхъ общественныхъ дѣятелей обречено на незавидную долю людей, живущихъ добровольными даяніями и приношеніями, въ большинствѣ случаевъ недостаточными и все болѣе и болѣе уменьшающимися, и, что всего важнѣе, затрудняетъ для духовенства исполненіе его прямыхъ обязанностей. Константируется, что современное обезпеченіе духовенства слагается изъ трехъ элементовъ: а) казеннаго жалованія (въ тѣхъ приходахъ, гдѣ оно есть); б) добровольной или нормированной тѣмъ или другимъ способомъ платы за обязательныя и необязательныя требоисправленія и в) дохода отъ церковной земли или

отъ сборовъ деньгами и хлѣбомъ, производимыхъ большею частію самими духовенствомъ на основаніи крестьянскихъ приговоровъ объ арендѣ церковной земли или о заѣмѣ земельного надѣла въ пользу церкви денежнымъ и хлѣбнымъ сборомъ. Только первый изъ такихъ элементовъ—казенное жалованіе—духовенство признаетъ наиболѣе отвѣчающимъ условіямъ современной жизни и вмѣстѣ наиболѣе благоприятнымъ для установленія нормальныхъ отношеній между пастырями и пасомыми и для поддержанія авторитета духовенства въ глазахъ населенія, которое не всегда въ состояніи возвыситься до болѣе правильной оцѣнки общественныхъ дѣятелей не по виѣшнему положенію, а по внутреннему достоинству. Поэтому духовенство было бы очень довольно, если бы два другіе элемента, составляющіе въ настоящее время главный источникъ матеріальнаго обезпеченія духовенства, замѣнены были соответствующимъ увеличеніемъ казеннаго жалованія и назначеніемъ его въ увеличенномъ противъ настоящаго размѣрѣ въ тѣхъ приходахъ, гдѣ его вовсе не имѣется. Право на получение казеннаго жалованья мотивируется указаніемъ на воспитательное значеніе пастырской дѣятельности духовенства, которое вліяетъ на нравственность народа, а также указаніемъ на труды духовенства по веденію метрическихъ документовъ, имѣющихъ важное обще-государственное значеніе. Кромѣ того, духовенство, пользуясь достаточнымъ казеннымъ жалованьемъ, могло бы бесплатно преподавать Законъ Божій въ церковно-приходскихъ школахъ.

Выражая пожеланіе о назначеніи казеннаго жалованья, духовенство, повидному, сознавало всю трудность осуществленія этихъ пожеланій въ ближайшемъ будущемъ и поэтому, главнымъ образомъ, занималось обсужденіемъ вопроса объ урегулированіи и улучшеніи мѣстныхъ источниковъ матеріальнаго обезпеченія духовенства, особенно обязательныхъ денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ съ прихожанъ.

Обсудивъ соображенія благочинническихъ съѣздовъ по вопросу о матеріальномъ обезпеченіи духовенства и принимая во вниманіе, съ одной стороны, матеріалы, бывшіе на разсмотрѣніи Предсоборнаго Присутствія при Святѣйшемъ Синодѣ, а съ другой—сужденія, высказанныя членами Государственной Думы при разсмотрѣніи смѣты Святѣйшаго Синода, коммиссія пришла къ естественному выводу, что при настоящемъ довольно затруднительномъ положеніи государственнаго казначей-

ства трудно рассчитывать на полное удовлетворение духовенства казенным жалованьем в томъ размѣрѣ, какой представляется желательнымъ духовенству, такъ что въ настоящее время на первомъ планѣ выдвигается самъ собою вопросъ объ урегулировании мѣстныхъ источниковъ содержанія духовенства. Особенно важнымъ для духовенства представляется достиженіе того, чтобы добротныя даванія за такъ называемыя обязательныя требованія и производимыя самимъ духовенствомъ сборы денегъ или сельско-хозяйственныхъ продуктовъ замѣнены были какимъ либо опредѣленнымъ вознагражденіемъ, которое взималось бы нелично самимъ духовенствомъ, а собиралось, какъ общественная повинность, вмѣстѣ съ другими общественными и государственными повинностями. Въ виду громадной практической важности благопріятнаго разрѣшенія вопроса объ урегулировании мѣстныхъ источниковъ содержанія духовенства коммиссія остановила вниманіе епархіальнаго сѣзда на въ высшей степени цѣнномъ сообщеніи о практиковавшемся въ одномъ изъ благочиній Казанской епархіи (во 2 благоч. округѣ Ядринскаго уѣзда) обложеніи прихожанъ сборомъ по одному рублю съ души за обязательныя требованія, при чемъ этотъ сборъ взыскивался вмѣстѣ съ другими общественными повинностями. Также однимъ изъ средствъ улучшенія матеріальнаго положенія духовенства, по мнѣнію коммиссіи, могло бы быть упраздненіе должности штатныхъ діаконовъ въ трехчленныхъ причтахъ и замѣна ихъ псаломщиками въ санѣ діакона, съ назначеніемъ послѣднимъ вознагражденія въ размѣрѣ половины получаемого священникомъ дохода. Эта мѣра улучшила бы положеніе какъ священниковъ, которые стали бы получать двѣ трети причтоваго дохода, вмѣсто половины, такъ и псаломщиковъ, которые стали бы получать треть причтоваго дохода вмѣсто одной шестой.

По объѣмѣ мнѣній между членами сѣзда постановлено: 1) Выразить пожеланіе, чтобы духовенство епархіи, въ видахъ пріобрѣтенія большаго принципиальнаго права на назначеніе въ законодательномъ порядкѣ казеннаго жалованія въ указываемомъ коммиссіей размѣрѣ, усилило свои занятія по Закону Божію въ школахъ разнаго наименованія. 2) Рекомендуются коммиссіей способъ урегулированія, впредь до назначенія духовенству казеннаго жалованія въ достаточномъ размѣрѣ, мѣстныхъ источниковъ содержанія духовенства путемъ замѣны доброт-

ныхъ даяній опредѣленнымъ вознагражденіемъ отъ приходской общины, которое собиралось-бы вмѣстѣ съ другими общественными и государственными повинностями,—признать желательнымъ и посему просить Епархіальную власть возбудить ходатайство предъ высшимъ начальствомъ объ утвержденіи приговоровъ церковно-приходскихъ собраній въ законодательномъ порядкѣ и о признаніи за приходской православной общиной правъ юридического лица. 3) Выразить сочувствіе пожеланію комиссіи, чтобы матеріальное положеніе духовенства улучшилось путемъ замѣны штатныхъ діаконовъ псаломщиками въ санѣ діакона съ вознагражденіемъ $\frac{1}{4}$ части доходовъ.

По вопросу о братскомъ судѣ чести, съѣздъ, разсматривая братскій судъ чести, какъ добавленіе къ архіерейскому суду совѣсти, и совмѣщая его съ новой организаціей благочинническихъ совѣтовъ, призналъ учрежденіе его весьма желательнымъ и передалъ этотъ вопросъ для детальной разработки и регламентаціи правилъ этого суда въ особую комиссію.

На обсужденіе того же съѣзда былъ предложенъ докладъ по вопросу о депутатахъ на епархіальные съѣзды отъ низшихъ членовъ причта діаконовъ и псаломщиковъ. Послѣ оживленныхъ преній, съѣздъ постановилъ: участіе на епархіальномъ съѣздѣ духовенства депутатовъ отъ низшихъ членовъ причта съ правомъ рѣшающаго голоса по всемъ вопросамъ, за исключеніемъ вопросовъ пастырской практики, признать желательнымъ. При выборѣ депутатовъ отъ низшихъ членовъ причта, по желанію избирателей, могутъ быть избираемы безразлично псаломщики, діаконы и священники. Расходы по поѣздкѣ депутатовъ отъ низшихъ членовъ причта на епархіальный съѣздъ покрываются изъ церковныхъ суммъ всего уѣзда. (Изв. по Казан. еп. № 44).

Библиографическая замѣтка.

Преосвященный епископъ Аркадій, бывший Аккерманскій, викарій Кишиневской епархіи. Съ портретомъ и автографомъ Преосвященнаго.

Сост. Юсифъ Пархомовичъ. Кишиневъ 1909 г.

Подъ такимъ заглавіемъ на-дняхъ вышла брошюра въ 92 страницы, составляющая отдѣльное изданіе статьи г. Пархомовича о преосвящен-

номъ Аркадія, помѣщенной на страницахъ «Кишинев. Епарх. Вѣдомостей» №№ 48, 50 и 51 за 1908 г. и №№ 1, 2 и 7 за 1909 г.

Содержаніе брошюры раздѣляется на три главы: а) Последніе дни жизни преосвященнаго Аркадія, б) смерть и погребеніе его и в) краткія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности его и отношеніе къ нему духовенства и свѣтскаго общества.

Въ первой главѣ изложено глубоконазидательное и въ высшей степени поучительное истинно-христіанское приготовленіе преосвященнаго къ смерти. Нельзя безъ умиленія читать повѣствованіе о томъ, съ какимъ христіанскимъ спокойствіемъ дѣлалъ архипастырь распоряженія, касающіяся погребенія своего, не опустивъ изъ виду ни одной самой малѣйшей подробности.

Во второй главѣ помѣщены слова и рѣчи, произнесенныя при погребеніи, ярко изображающія высокія качества души въ Божѣ почивающаго архипастыря.

Въ третьей главѣ обстоятельно излагаются свѣдѣнія о жизни и дѣятельности преосвященнаго Аркадія. Здѣсь мы видимъ, какъ развивалась та иноческая настроенность, которою отличался архипастырь и на высшей ступени своего служенія. Особенное вниманіе обращаетъ авторъ на дѣятельность преосвященнаго въ Бессарабіи, гдѣ Богъ судилъ ему послужить Церкви болѣе двадцати лѣтъ. Въ краткихъ, но рельефныхъ и характерныхъ чертахъ изображено здѣсь отношеніе архипастыря ко всѣмъ дѣламъ, какія ему поручены были, какъ викарію. Въ этой же главѣ вкратцѣ изложена исторія псаломщическаго класса въ Кишиневѣ—этого любимаго дѣтища преосвященнаго Аркадія. Можно составить понятіе и о проповѣднической дѣятельности архипастыря, такъ какъ въ этой главѣ приведено нѣсколько рѣчей его, а въ приложеніи—слово въ недѣлю Православія и поученіе въ Великую пятницу предъ плащаницей, которая вмѣстѣ съ другими проповѣдями и бумагами переданы архипастыремъ за нѣсколько дней до блаженной его кончины автору брошюры.

Брошюра читается съ большимъ интересомъ и по содержанію своему составляетъ вкладъ въ литературу по исторіи мѣстной церковной іерархіи.

Брошюра вышла въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Выписывать можно у автора. Кишиневъ. Леовская ул., д. № 51. Цѣна брошюры безъ пересылки 35 коп., а съ пересылкой 45 коп.

Редакторъ, преподаватель духовной семинаріи
Василій Курдиновскій.

Печатать дозволяется. Кишиневъ. 29-го марта 1909 года.
Цензоръ д. с. с. Андрей Пархомовичъ.
